

ОЛЕГ ИЛЬИНСКИЙ

ВЕРНЫЙ ПУТЬ

Полнота жизненных явлений, их органическая связь не укладываются в рамки априорных схем. Жизнь в своей полноте значительнее всякой схемы — социальной, политической или философской. Внутренняя жизнь индивидуальной человеческой души, исторические судьбы народов или, наконец, глубинные процессы, в своей таинственной совокупности составляющие культуру, все это построено на законе внутреннего динамического развития, постоянного творческого самообновления, на основе которого возникают совершенно новые, никогда не бывшие ценности. Жизнь не признает детерминизма. Она ломает, опрокидывает и сносит со своего пути любую мертвую схему, претендующую на механическое и стереотипное разрешение всех явлений жизни.

Наиболее ярким выразителем таинственной динамической сущности жизни является неповторимая и, благодаря этому, бесконечно ценная человеческая личность. Естественным стремлением человеческой личности является стремление к духовной свободе — к свободе совершенствования, к свободе размышления, к свободе создавать ценности непреходящего значения. То, что мы называем культурой, и существует только ради создания новых, таинственных в своей непредвиденности, ценностей. Эти ценности могут родиться только на основе творческой духовной свободы. Там, где господствует детерминизм, исключается творчество. Творчество всегда неожиданность, всегда подарок, всегда прорыв в область свободы. Свобода есть, прежде всего, право на непредвзятое осмысление окружающей нас действительности, право не принятие шаблона, право на то, чтобы преодолеть навязанную извне схему. Каждый из нас имеет право на личный подход к окружающему миру, право не согласиться со схемой, придуманной не нами и не для нас. Борьба за внутреннюю сложность человеческого облика, за личное, а не коллективно-навязанное «я», за абсолютную ценность, является долгом всякого свободного человека.

Одним из основных приемов идеологического воздействия коммунистической партии на живую человеческую душу является подмена живой, жизненной реальности отвлеченной схемой, раз навсегда принятой

на веру. В эту схему вгоняется все наследие человеческой культуры, под эту схему подводится все богатство и разнообразие душевной жизни человека. Придуманная кем-то для нас схема в качестве чужой, враждебной силы вторгается в душу, упрощает и уродует ее. Эта схема железной хваткой берет за горло и с безапелляционной жестокостью требует подчинения себе. Эта схема называется диалектический материализм.

Опустошающая суть диамата в его ледяном детерминизме, а, следовательно, в отрицании свободы. Диамат с удивительной легкостью, но совершенно без всяких оснований, включает в себя лучшие достижения мировой культуры (урезанный Гегель под марковым соусом). Игнорируя бесконечные и закономерные ошибки и просчеты своих теоретиков, диамат все же заявляет о своей принципиальной непогрешимости, как системы. Одновременно любой уклон в идеализм*) — вполне естественный для живого человека, сначала подвергается жестокой критике, разгрому, а если это не помогает — карается по закону (дело Синявского). Это делается потому, что уклон в идеализм есть проявление истинной свободы в поисках правды.

Если бы коммунизм действительно хотел правды и свободы, как он это назойливо вбивает в сознание, он не был бы столь боязливо непримирим по отношению к идеализму; а ведь вся мировая культура есть естественное и неопровержимое следствие идеализма. И Сократ, и Аристотель, и Коперник, и Ломоносов, и Декарт, и Державин, и Пушкин, и Лермонтов, и Толстой, и Достоевский были идеалистами. И наши современники — Эйнштейн, Планк, Павлов, Уайтхед и Пастернак тоже идеалисты. Никакими ссылками на диалек-

*) Под «идеализмом» здесь понимается не философская система немецкого идеализма (Фихте, Гегель), а признание духовного как самостоятельной ценности, превышающей материальное. Иначе говоря в том смысле, в каком понимали этот термин такие авторы как Булгаков, Франк и др., издавая свой сборник под названием «От материализма к идеализму» (редакция).

тический материализм этого факта не изменишь. Можно лишь подгонять историю культуры под диамат — этим коммунисты и занимаются. Но подгонка не объяснение, подгонка всего лишь отговорка.

Бесконечным повторением слова «коммунизм» в сочетании со словами «справедливость», «нравственность», «героизм» и т. д. идеологи коммунизма стремятся вызвать условный рефлекс, автоматически связывающий эти понятия с материалистическим коммунизмом и марксизмом. Тем самым искажается историческая перспектива, искажается самая сущность ценности. Идеализм, между прочим, есть свобода — он ничего не предписывает, никого не преследует за «уклон», не подсказывает заранее выводов, к которым человек должен прийти в результате своих поисков, он только говорит человеку: иди, ищи, удамай, открывай, соображаясь с указаниями своей совести. Идеализм есть свобода, но не анархия, т. к. он признает наличие абсолютных ценностей — ценностей свободно избранных свободной волей человека, а не навязанных ему «классовой идеологией» или «экономической базой». Идеализм исходит из двух основных предпосылок: абсолютной ценности и свободной воли человека.

Советская печать постоянно проявляет беспокойство по поводу того, что молодежь не находит в рамках диамата ответа на запросы своей душевной жизни. В связи с этим молодежь отходит от комсомола, сближается с Церковью, — и Церковь находит ответы на вопросы, перед которыми бессильны комсомольская организация и школа. При этом сама советская печать постоянно подчеркивает, что и школа, и комсомольская организация на вопросы молодежи дает шаблонные, раз навсегда принятые ответы, бесконечно повторяя одно и то же, а, скажем, Церковь умеет подойти индивидуально к каждому и каждому оказать конкретную помощь и поддержку. Беспокойство советской печати вполне естественно и оправдано. Ведь диалектический материализм не может отменить сам себя. Значит ответы на вопросы всегда будут лишь более или менее удачной комбинацией штампов. Тоскливое и навязчивое однообразие этих штам-

пов усыпляет сознание, убивает творческий порыв. Единственный выход за пределы штампа — это отход от коммунизма. Молодежь понимает это.

Советская пропаганда внушает, что огромные открытия, сделанные русской наукой за последнее время, есть следствие применения на практике диалектического материализма. Но ведь это же подтасовка. Великие открытия, космические полеты, искусственные спутники земли и т. д. построены на математике и к диамату ни малейшего отношения не имеют. А диамат разве что играет роль сто-

рожа при ученых: а то, того гляди, ученые ударятся в идеализм (что и случается часто).

Нам, русским людям, в силу исторических событий оказавшимся за пределами родины и совершенно непримиримым ко всевозможным видам материализма, известно, что русская молодежь в своем неприятии марксистских штампов тянется к идеализму. Мы приветствуем эту тягу и надеемся, что творческие поиски абсолютных ценностей укажут верный путь. Мы хотим, чтобы каждый в глубине своей души нашел индивидуальный путь к истине.

культуру; трудностью понять действительность, не пережив на себе «диктатуру пролетариата», и т. п. И еще одно. Разве весь наш народ понимает, что такое большевизм, и что произошло бы с Россией, если бы партия могла быть абсолютно последовательной в своих действиях и если бы ей дали полную свободу безнаказанного господства?

Есть и другая часть эмиграции, которую нельзя упрекнуть в непонимании той колоссальной значимости, какую представляет собой цвет российской интеллигенции на нашей родине. Но дело не только в понимании, а в другом — значительно большем: этой элите России, на которую выпала вся тяжесть борьбы за права человека, соотечественники за рубежом возносят первый фимиам грядущей все-русской славы. Тайные почести, признание и любовь отдаются каждому, голос которого прорывается сквозь грохот демонической пропаганды.

Чтобы оценить высоту подвига нужно знать, в каком мире он совершается и какие цели он ставит перед собой. Кто знает, что такое коммунистическое глумление над правами человека и гражданина, что такое рабство народа, тот поймет, что для нас и России подвиг русской интеллигенции есть самое высокое из происходящего сегодня в мире. С ним связана не только судьба нашей страны, но и судьба всей современной европейской культуры.

Перед подвигом русской интеллигенции преклоняются россияне за рубежом и наша задача говорить об этом во всеулышанье. «Имеющие уши — да слышат».

«Кто знает все, что происходит в России сейчас — у того не рана на душе, а вся душа — рана. Он — словно человек с ободранной кожей. Говорят незнающие: «Ничего, обрастешь, забудешь». — А мы говорим: «Не хотим обрастеть! Не хотим забыть! Будь мы прокляты, если забудем!»

Д. Мережковский, «Царство Сатаны».

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут ясны
Стены Нового Иерусалима
Но полях моей родной страны.

Н. С. Гумилев

А. Т.

ТРЕТИЙ ГОД

Наступающий 1967-ой год является третьим годом существования небольшого журнала «Зарубежье». Мы вспоминаем эту дату не для того, чтобы отметить юбилей, а для того, чтобы сравнить настоящее время с днями, когда создавался наш журнал.

Мы задумали это издание под влиянием «голосов», доносившихся из России, — «голосов» тех поколений передовой русской интеллигенции, которые не побоялись сказать свое слово идущей на смену молодежи. Мы считали нашей главной задачей действовать тому, чтобы эти голоса продолжали звучать и дальше, чтобы их слышали и запоминали, чтобы заключенная в них сила и правда давали новые всходы, чтобы им следовали, так как в них мы видим жизнь и будущее России. Нашим главным желанием было отдать страницы нашего журнала «им», так как никто за рубежом не имел равного по силе слова, рождение которого возможно только в условиях борьбы — борения угнетаемого духа, сострадания и любви. Но мы подавили наше желание и не осуществили его, так как гонители свободы слишком жестоки, и пока еще судьбы России распоряжаются они. Мы считали, что еще не наступило время, когда авторы из России — без губительных последствий — могли бы занять место на страницах свободного журнала, издаваемого вне границ Советского Союза.

Эти соображения принудили нас принять другой план. Мы отдали наши страницы тем авторам, которые в своем творчестве перекликаются с «голосами» из России. В зарубежье много талантов и у нас есть свобода слова. Мы считали, что можем быть полезными. Так понимали мы наши задачи три года тому назад. Мы считаем их обязательными и в дальнейшем.

Но за три года голоса в России стали сильнее и громче; не потеряв чрезвычайной привлекательности, они

стали конкретнее и динамичнее. Нет ни одной области творчества, откуда не доносились бы слова, полные свежести и силы, вселяющие надежду на будущее. Создается впечатление, что делают такие смелые попытки прорвать границы, возведенные на пути к свободе человека.

Мы не хотим сказать, что сопротивление насилию явление новое. Оно было всегда. Насилие над человеком и сопротивление этому насилию рождаются одновременно. Теория перманентной революции, не допущенная к испытанию историей, так как автор ее был изгнан из России, воплотилась в свою противоположность — в перманентное сопротивление насилию меньшинства над большинством. В этом сопротивлении сейчас ощутима новая стадия — оппозиция наступает смелее, постепенно тесня власть на позиции сопротивляющегося. Но качественное изменение характера сопротивления не является темой настоящей статьи.

Мы только хотим сказать несколько слов тем, на кого мы возлагаем все наши надежды.

Мы обращаемся не к анониму. Мы хорошо поименно знаем тех, о ком идет речь, конечно, не всех, но многих. Мы не называем их, так как не пришли еще сроки свободы. Парадокс нашего времени в том, что человек должен таить то, чему он поклоняется; скрывать имена тех, кого он любит; помогать так, чтобы никто не знал. Этот парадокс и вызывает те претензии к эмиграции, которые доходят до нас из кругов той среды, на которую выпала доля нести на своих плечах все бремя освобождения России из неволи.

Мы не хотим отрицать того, что часть эмиграции поверхностна в своих суждениях о происходящем в России. Это порождается многими обстоятельствами, в том числе и впечатлением от тех довольно многочисленных посетителей Запада, которыми Советский Союз представляет свою

С. Л. ФРАНК

Религия и наука

Статья Семена Людвиговича Франка «Религия и наука» написана в 1924 г.¹), то есть больше 40 лет тому назад.

За это время естественные науки сделали большие успехи. И чем дальше они проникали в тайны природы, тем больше подтверждались те основные положения, которые высказаны в статье С. Л. Франка. Представление о протяженной бесконечности мира во времени и пространстве, о котором упоминается в статье Франка, все больше уступает пониманию глубинной безграничности бытия, его конечной непостижимости и тайны, одновременно его величия, которое исключает объяснение его возникновения и бытия одними лишь «естественными» силами, теми силами, которые Франк называет «слепыми силами природы». Правда диалектический материализм не употребляет такой терминологии и говорит о строгой, как бы «разумной» закономерности в мире, но откуда эта закономерность взялась, если нет высшего Разума, диалектический материализм не объясняет и объяснить не может.

Современные ученые все яснее понимают, что наука не только не про-

тиворечит вере, но, наоборот, правильно понятая наука ведет к ней. Если и прежде большинство истинных ученых были верующими людьми, то в наше время многие ученые, углубляясь в науку, возвращаются к религии, если они прежде были неверующими.

Наука в наше время также знает, что открываемые ею закономерности мира не носят абсолютного и прямолинейного характера. Это — статистические закономерности, которые вполне допускают отступления под влиянием иных, не исключительно природных сил. Материальный мир уже больше не представляется таким замкнутым в самом себе и в своих непреложных закономерностях, каким он казался одно время в 19-м столетии.

В свете этих новых достижений науки статья Франка получает новое, актуальное значение и потому редакция «Зарубежья» предлагает ее вниманию читателя. Ввиду объема статьи, мы помещаем ее в несколько сокращенном виде.

Краткая библиография С. Л. Франка (1877-1950) была помещена в «Зарубежье» № 3, октябрь 1965.

Каково отношение между религией и наукой? Согласимы ли они между собой? Может ли научно образованный и мыслящий человек иметь религиозную веру?

Если поставит эти вопросы современному русскому образованному — или, вернее, полуобразованному — человеку (ибо подлинно образованных людей на свете мало), то на них последует быстрый и решительный отрицательный ответ. Прежде всего, быть может, найдется не мало людей, которые, как бы они ни относились к советской власти и господствующим коммунистическим идеям в других областях, в этом вопросе серьезно верят казенной доктрине, что религия есть «опиум для народа», что она «выдумана» «жрецами» или «попами» для того, чтобы одурачить народные массы, держать их в повиновении и извлекать из этого личные выгоды для касты священников или вообще для господствующих классов. Seriously спорить с таким взглядом нет никакой надобности; он может быть опровергнут в двух словах, и всякий хоть немного, но подлинно

образованный человек знает, что такой взгляд есть одновременно плод и чудовищного невежества, и жалкого недомыслия. История показывает, что все народы мира, первобытные и грубые и самые культурные, имеют религиозные представления и религиозную веру, в том числе и те народы, у которых еще нет никакого деления на классы или сословия; что есть многие народы, у которых вообще нет касты «жрецов» или священников, но которые вместе с тем глубоко религиозны (например, хотя бы народы античного мира). Словом, элементарное историческое образование достаточно, чтобы усмотреть, что религиозная вера никем сознательно не «выдумана», а есть коренное, исконное свойство человеческого духа, что как у всякого народа есть какие-то, никем нарочито не придуманные, а сами собой возникающие представления о добре и зле, о праве и ответственности, какие-то порядки семейной, хозяйственной, общественной жизни, так у всякого народа есть какие-то религиозные верования. А вдобавок к этому нужно лишь небольшое усилие ума, чтобы сообразить, что для того, чтобы «попы» или «жрецы» могли что-нибудь вообще «выдумать» и начать изготовлять свой «опиум», они прежде всего должны существовать; а существовать они могут лишь, когда у народа уже

есть религиозная вера. Коротко говоря, при некоторых знаниях и некоторой сообразительности легко увидеть, что люди, верящие, что религия есть только способ одурачения народа, сам и наивным образом одурачены, поддалась гипнозу невежественных и бессмысленных слов.

Гораздо большего внимания и действительно серьезного обсуждения заслуживает другая сторона вопроса. Каково бы ни было происхождение и причины религиозных верований, существенно, в конце концов, только одно: в какой мере они могут притязать на истинность, можно ли продолжать разделять их перед лицом научного объяснения мира и жизни? И тут господствующий отрицательный ответ на этот вопрос будет обосновываться приблизительно так. Религия и наука суть два способа объяснения одной и той же реальности, — именно, сущности и происхождения мира, жизни, человека. Эти два объяснения резко между собой расходятся, и потому, признавая одно, нельзя признавать другого. Например, религиозное представление о мироздании, где земля находится в центре, наверху, на небе, живет Бог и находится «рай» или «царство небесное», а где-то внизу, под землей, находится ад — конечно, совершенно несогласимо с научным представлением о бесконечности мироздания, о вращении земли вокруг солнца и т. п. Религиозное учение о сотворении человека Богом несогласимо с выводами эволюционного учения о сродстве всего органического мира и о постепенном происхождении человека из низших организмов. Религиозное учение христианства, например, о рождении Христа от девы Марии абсолютно несовместимо с самыми элементарными биологическими данными, и с их точки зрения есть совершенный и грубейший вздор. Или, говоря вообще: религия на каждом шагу допускает чудеса, т. е. нарушения законов природы, твердо установленных наукой. Словом, приходится всюду выбирать между религиозным и научным взглядом на жизнь. А так как наука опирается на точные доказательства, а религия требует от нас слепой веры, то в выборе не может быть колебания. Религия несовместима с наукой, и чем более человек научно образован, тем более он имеет оснований отвергать как устарелое и опровергнутое заблуждение, религиозную веру.

Это простое и типическое рассуждение представляется на первый взгляд совершенно неопровержимым, абсолютно убедительным. Тем не менее, мы утверждаем, что оно не только не доказательно, а в корне ложно, что оно основано на непонимании как природы науки, так и природы религии, и что человек, действительно научно продумывающий этот вопрос, т. е. достигший не туманного

¹) 1-е издание: Берлин, Евразийское Книгоиздательство, 1924. 2-е издание: Брюссель, издат. «Жизнь с Богом», (Серия: Религия, философия и наука, № 1), 1953, 28 стр.

и популярного, а подлинно научного знания о сущности как религии, так и науки, должен прийти к прямо противоположному выводу.

Прежде, чем доказывать это систематически, обратим внимание на следующий факт, который косвенно может заставить усомниться в правильности господствующего представления об отношении между религией и наукой. Как с его точки зрения объяснить, что очень многие величайшие ученые, истинные творцы в области научного знания — и, пожалуй, даже большинство из них — до конца жизни оставались глубоко и искренне верующими людьми? Сошлемся на немногие, самые известные примеры (число которых легко можно было бы дополнить множеством других). Ньютон, открывший законы движения небесных тел, как бы разоблачивший величайшую тайну мироздания, был верующим человеком и занимался богословием. Великий Паскаль, гений математики, один из творцов новой физики, был не просто верующим, но и христианским святым (хотя и не канонизированным) и одним из величайших религиозных мыслителей Европы. Творец всей современной бактериологии, мыслитель, глубже других проникший в тайну органической жизни — Пастёр был глубоко религиозной натурой. Даже Дарвин, учение которого было потом использовано полуучеными для опровержения религии, не только никогда не думал сам, что его учение о происхождении животных видов и человека противоречит религии, но, напротив, всю жизнь оставался искренне верующим человеком. Конечно, можно возразить, что ученые бывают не всегда вполне последовательны в своих взглядах. Нельзя отрицать, что часто так действительно бывает, что есть на свете много профессиональных ученых, которые придерживаются того, что было названо «двойной бухгалтерией», т. е. что в своей лаборатории они не думают о религии, а по воскресениям и праздникам, идя по привычке в церковь, забывают о своей науке, и в течение всей своей жизни не удосуживаются и не испытывают потребности привести в порядок свое мировоззрение. Но если это часто случается с ординарными, средними учеными, которые в своей жизни суть простые и подчас даже глуповатые обыватели, то это объяснение совершенно не подходит к великим, истинно гениальным творцам науки, к людям, для которых научный интерес есть величайшая страсть и центральное существо их личности, о котором они ни на мгновение не могут забыть. Сказать о таких людях, что они только по недомыслию, по умственной лени или робости совмещают веру в науку с религиозной верой значит придумать объяснение в высшей степени неправдоподобное. Несомненно, что если такие люди совмещали науч-

ность с религиозностью, то они имели для этого какие-то глубоко продуманные ими основания.

А теперь обратимся к существу вопроса. Мы утверждаем, в противоположность господствующему мнению, что религия и наука не противоречат и не могут противоречить одна другой по той простой причине, что они говорят о совершенно разных вещах, противоречие же возможно только там, где два противоположных утверждения высказываются об одном и том же предмете.

Выражая эту мысль сначала, для большей отчетливости, с некоторым сознательным упрощением (которое мы сейчас же, далее исправим), мы можем сказать: наука изучает мир, религия познает Бога. Поэтому истины одной так же мало могут противоречить истинам другой, как мало напр. астрономические истины о строении солнечной системы могут противоречить, скажем, экономическому учению о законах денежного обращения.

Но позвольте — возразят нам — ведь религия своим учением о Боге вместе с тем меняет представления верующего о мире, жизни, человеке, т. е. о вещах, которые изучает наука, поэтому предложенное объяснение искусственно и совсем не устраняет трудности.

Возражение это имеет смысл; но оно не опровергает выставленного нами утверждения, а только заставляет нас несколько усложнить его. Точнее надо сказать так: наука изучает мир и явления, в нем происходящие, без отношения их к чему-либо иному; религия же, познавая Бога, познает вместе с тем мир и жизнь в их отношении к Богу. Поэтому, хотя и религия и наука затрагивают отчасти одно и то же — мир и жизнь, но они берут эту реальность в двух разных отношениях, потому говорят все-таки не об одном и том же, а о совершенно разных вещах.

Чтобы уяснить это, приведем пример соотношения некоторых наук. Может ли геометрия противоречить физике? Казалось бы, странный вопрос, на который можно ответить только отрицательно. Однако же, геометрия говорит о точках, линиях, плоскостях и развивает о них целый ряд сложных учений, между тем как физик не может даже допустить существования чего-либо подобного. В самом деле, возможно ли существование точек, как чего-то, не имеющего никакого измерения, — линий, имеющих только длину, но не имеющих ширины и толщины, — плоскостей, не имеющих никакой толщины (или глубины)? Реально для физика существуют только тела, имеющие сразу все три пространственные измерения. Самое простое наблюдение и размышление показывает, что ни одна вообще геометрическая фигура в том смысле, в каком ее берет геоме-

трия, в физическом мире не существует и существовать не может, а существуют реальности гораздо более сложные и несовершенные, чем те идеальные формы, о которых говорит геометрия. Не есть ли геометрия наука о фикциях, т. е. просто говоря, ложное знание? Бывали мыслители, которые серьезно так и думали (напр. английский философ Юм). Но, конечно, это неверно. Дело объясняется просто: геометрия есть учение о пространственных формах, как таковых, в их отвлечении от физических предметов, которым они присущи, и в их практически недостижимой чистоте; физика же изучает тела и их конкретные формы, как они возможны и встречаются в материальных вещах. Обе науки изучают (отчасти) одно и то же — формы тел, но берут их в двух разных отношениях; поэтому их выводы не совпадают, но и нисколько не противоречат друг другу: что верно в отношении идеальных, образцовых форм, взятых независимо от конкретных тел, то неверно в отношении тех же форм, как они опытно даны в физических телах. И это совсем не делает геометрию фикцией, реально ненужной наукой: ибо в физических телах, хотя лишь в приблизительном и искаженном виде, реально присутствуют идеальные формы, о которых говорит геометрия; и всякий инженер знает, как реально важны и нужны геометрические чертежи и относящиеся к ним истины.

Возьмем теперь другой пример соотношения двух утверждений. Допустим, что в вагоне едущего поезда вы обращаетесь к вашему соседу с заявлением: «будьте добры сидеть спокойно на месте, и не двигаться непрерывно». Сосед обиженно отвечает вам: «я сию совершенно спокойно на моем месте», на что вы в свою очередь возражаете: «как вы можете утверждать, что вы остаетесь на одном месте, когда вы на самом деле с большой быстротой едете вместе с вагоном?» Я думаю, вам угрожает услышать, а может быть, и почувствовать весьма внушительный ответ вашего соседа, который решит, что вы издеваетесь над ним. Но кто же, собственно, прав? Остается ли на самом деле ваш сосед на одном месте, или он движется? Конечно, оба правы: в отношении вас и вагона ваш сосед не движется с места, а в отношении земли и всех предметов вне вагона, он движется. Вот пример двух противоположных утверждений как будто об одном предмете (о пространственном перемещении или покое данного тела) которые, однако, нисколько не противоречат одно другому, потому что берут рассматриваемое явление в двух разных отношениях или в отношениях к разным предметам и, следовательно, в сущности говорят о разных вещах.

Этот пример нам полезен не просто как образец возможной вообще согласимости двух противоположных утверждений. Он по самому своему содержанию очень помогает уяснению истинного соотношения между учениями науки и религии. Продолжая эту аналогию, мы скажем: наука изучает отношение и явления, имеющие место внутри вагона, в котором мы все едем, оставляя совершенно в стороне отношение этого вагона и его пассажиров ко всему, что есть вне его; религия же учит нас как раз тому, в каком отношении мы, пассажиры этого вагона, находимся к той более широкой сфере, которая окружает этот вагон и из которой объяснимо его движение, как целого. Оба рода знания не противоречат друг другу, а вполне согласимы между собой и оба нам одинаково нужны.

А впрочем, может быть, они не одинаково нужны. При разных обстоятельствах, в разные моменты и для разных людей, то одно, то другое из этих знаний окажется гораздо нужнее противоположного. Если я еду без цели и без дела, просто, чтобы прокатиться, то мне, пожалуй, безразлично, куда я еду и еду ли я вообще. Мне важно только найти себе в вагоне удобное место, важно, чтобы мои соседи мне не мешали; я, может быть, ни разу не удосужусь посмотреть в окно вагона, или справиться у кондуктора, «где мы» и пора ли вылезать; я всецело буду занят или добыванием себе места спорами об этом с другими пассажирами, или беседой с моими соседями, или чтением. Но если я тороплюсь по делу и помню, куда и зачем я еду, я буду с большим вниманием и интересом следить за тем, куда я еду и где мне слезать, чем за всеми, даже самыми интересными происшествнами внутри вагона, и из-за заботы об удобном месте в вагоне не потеряю из виду движение самого вагона. Но ведь в конце концов — всякому из нас, даже праздному гуляке, где-то придется вылезать; и рано или поздно придется вспомнить, что едешь и куда-то приехал. А кроме того и во время пути иногда бывают такие толчки, что невольно очнешься, вспомнишь, что ты едешь, и даже против воли заинтересуешься, где ты находишься и что случилось, т. е. в каком отношении вагон находится к тому, что есть и делается за его стенами.

Впрочем, мы несколько отвлеклись сейчас в сторону. В какой мере нужно то или другое знание, есть дело отчасти вкуса, отчасти дальновидности. Сейчас нам важно другое: нам важно доказать, что оба рода знания — научное и религиозное — действительно не противоречат друг другу. Постараемся показать это уже без всяких аналогий и проверить это общее утверждение на конкретных примерах столкновения (мнимого, согласно нашему тезису) между наукой и религией.

Раскрывая аналогию с вагоном, мы прежде всего утверждаем, следовательно, в общей форме следующее: наука берет мир, как замкнутую в себе систему явлений и изучает соотношения между этими явлениями, вне отношения мира, как целого (а, следовательно, и каждой, даже малейшей его части), к — его высшему основанию, к его первопричине, к абсолютному началу, из которого он произошел и на котором он покоится. Религия же познает именно отношение мира, а, следовательно, и человека к этой абсолютной первооснове бытия — к Богу, и из этого познания черпает уяснение общего смысла бытия, который остается вне поля зрения науки.

Наука как бы изучает середину, промежуточный слой или отрезок бытия в его внутренней структуре: религия познает эту же середину в ее отношении к началу и концу, к целому бытия или к его целостной первооснове.

Возьмем, например, религиозное учение о происхождении человека и сопоставим его с научным учением. Если понимать их, как два разных ответа на один и тот же вопрос, две разные теории одной и той же сферы явлений, то между ними, конечно, — безвыходное противоречие. Но на самом деле, это именно не так: оба учения говорят не об одном и том же, а о разном: наука — об относительном «происхождении» человека, т. е. о биологической преемственности его от иных, низших организмов на более ранних стадиях органической жизни (для простоты мы предполагаем здесь, что дарвинистическая теория эволюции верна, хотя фактически она существенно поколеблена в современной науке), религия же — об абсолютном происхождении человека, т. е. об его происхождении из самого первоначала бытия и об отношении его к этому первоначалу — Богу. Религия утверждает, что человек есть высшее, особое существо, отличное от всего животного мира, что он сотворен Богом, как «образ и подобие Божие»; и та же религия в своем учении о грехопадении добавляет, что человек позднее (по тем или иным причинам) «пал», т. е. потерял чистоту своего божественного образа и смешался с миром низшей природы, подчинился ему. Выражаясь популярно, можно сказать, что религия раскрывает нам иную, более раннюю эпоху бытия человека, предшествовавшую всей той органической эволюции, которую изучает наука. Ибо эта эволюция уже предполагает готовое бытие мира и есть его история; религиозное же учение говорит как бы о самом рождении мира и описывает место и значение человека в общем плане мирового бытия в самом его начале. Представим себе (после пережитой нами революции это особенно легко пред-

ставить) некогда знатного дворянина или еще лучше — царского сына, наследника престола, который в результате какой-то катастрофы опустился материально и морально, нищенствует или тяжелым трудом поденщика зарабатывает себе пропитание. Противоречит ли его нынешнее жалкое состояние, его износившееся платье, его тяжкий труд, его порочность опустившегося человека, — противоречит ли длинная история его скитаний и приключений в поисках лучшего социального положения и, может быть, мучительно долгие попытки из нищеты выбиться в «люди» — его царскому происхождению, его рождению во дворце, тому, что в его жилах и теперь течет царская кровь, и что он по-прежнему питает — может быть, несбыточную, а может быть и осуществимую — надежду некогда наследовать царство своего отца? Вы можете верить или не верить человеку, который, находясь в таком низком состоянии, гордо утверждает, что он царский сын, — но вы не можете отвергнуть его утверждения ссылкой на то, что оно «противоречит» достоверно известным вам нынешним условиям его жизни. И вот, религия именно и утверждает, что каждый из нас, нищих, или поденщиков, — слабых, беспомощных людей, предки которых смешались с животным миром и (по учению Дарвина) оказались в родстве с обезьянами, есть — по исконному своему происхождению и достоинству — царский сын, наследник великого царства. Вы можете этому верить или не верить, но вы не имеете права отвергать это ссылкой на научно установленную судьбу человека в составе органической эволюции мира.

Или, если религия говорит, например, о «земном» и «небесном» мире, то она имеет в виду нечто совершенно иное, чем астрономическое учение о положении земли в мироздании. Ибо «небо» религии есть не видимое нами и не астрономическое «небо», а некий высший, иной мир, чувственно нам вообще недоступный, а раскрывающийся лишь в особом, именно религиозном опыте. Если вы никогда не имели, хотя бы в самой слабой форме, этого религиозного опыта, если ваша душа никогда не чувствовала — ни в минуту смерти близкого, любимого человека, ни в минуту собственной смертельной опасности или величайших нравственных потрясений, — что видимый нами материальный мир есть еще не все, что вообще есть, что есть какие-то иные, редко достижимые нам, но в этих достижениях очевидные высшие просветы, — то вы, конечно, будете отвергать это религиозное учение о «небесном» мире. Но во всяком случае нелепо говорить, что вера в иной мир противоречит истинам астрономии, это так же нелепо, как говорить, что учение о безграничности вселенной противоречит «видимой» нами замкнутости горизонта.

Или возьмем намеренно самое парадоксальное, «противоречащее» не только науке, но и «здравому смыслу» учение, — например, догмат христианской веры о непорочном рождении Иисуса Христа девой Марией. Вы можете сколько угодно цинически улыбаться и высмеивать «бессмысленность» и «нелепость» этой веры; вы можете также добросовестно и серьезно сказать, что вы не в силах поверить этому — это ваше право. Но вы не имеете права сказать, что это учение противоречит научным данным биологии. Дело очень просто: если бы христианское учение утверждало, что Мария силою своей собственной природы, с помощью одних только женских функций и органов своего тела без участия мужа родила ребенка, то это было бы действительно нелепостью и действительно противоречило бы элементарным выводам или наблюдениям биологии. Но ведь учение это утверждает совсем иное: оно утверждает, что на Марию сошел Святой Дух, что само Божество сотворило себе человеческое тело в ее чреве. Вам кажется это невероятным? Я не буду сейчас об этом спорить, и укажу только, что и религия не утверждает, что этот факт есть что-то обычное и естественное; она, напротив, утверждает, что это случилось лишь однажды, что это есть событие неслыханное и чудесное, выходящее из ряда всех естественных, обычных и постоянных явлений человеческой жизни. Но причем тут «данные биологии»? Биология учит о рождении организмов в порядке постоянных, природных его условий; но биология ничего не говорит о том, что случится, когда в дело вмешается само Божество, когда Святой Дух низойдет на избранное им тело святой женщины. Она не утверждает, но и не отрицает ни самой возможности такого вмешательства Божества, ни тех или иных его последствий — просто потому, что она есть биология, а не теология, учение о природных организмах и природных условиях их жизни, а не учение о сверхприродном Божестве, его силах и возможностях.

И теперь мы можем, вместо отдельных примеров, обратиться к рассмотрению основного «противоречия» между религией и наукой, которое обычно усматривается в религиозной вере в чудеса, несовместимые с научной истиной о строгой закономерности всех явлений природы. Конечно, возможна религиозность и без веры в чудеса, и современный т. наз. «образованный» человек, поскольку он вообще приемлет религию, часто ищет такой религии, очищенной от «суеверного» допущения чудес. Но нужно честно признать, что настоящая, горячая и глубокая вера всегда связана и с верой в чудеса. Ведь в сущности, всякая молитва, — а какая же религиозность возможна без молитв, — есть просьба к Божеству

о его вмешательстве в жизнь, т. е., в конечном счете, мольба о чуде. Религиозный человек верует, что он находится под постоянным водительством Бога; и если он усматривает волю Божию и в сцеплении явлений, обусловленных естественными причинами, то он не может отказаться и от мысли, что если Бог захочет, то Он всегда может и изменить естественный ход событий, т. е. сотворить чудо. Я очень хорошо знаю, какие глубоко вкорененные привычки мысли мешают современному человеку верить в чудо; я понимаю, что нужно уже иметь очень твердую и очень горячую веру, чтобы, не боясь показаться смешным, не боясь противоречить всему, что принято думать среди «образованных» людей, исповедать свою веру в возможность чуда. И я никого не стараюсь убеждать, что чудеса действительно бывают. Я утверждаю только, что никакая наука и никакая научность не опровергает и не может опровергнуть возможность чудес.

Принципиально дело тут обстоит тоже, необыкновенно просто. Под чудом разумеется непосредственное вмешательство высших, божественных сил в ход явлений — вмешательство, приводящее к такому результату, который невозможен при действии только естественных, природных сил. Но наука, изучающая закономерности именно только естественных, внутренних сил природы, именно поэтому ничего не говорит о возможности или невозможности чуда. И, с другой стороны, возможность чуда совсем не «нарушает» установленных наукой законов природы; ибо чудо вовсе не предполагает изменения действия сил самой природы; в его лице лишь утверждается, что возможно вмешательство новой и совершенно инородной силы, и что при действии этой дополнительной силы общий итог будет иной, чем при действии одних лишь природных сил. Дело, очевидно, в том, что наука познает природу, как некую замкнутую систему сил или явлений; она совсем не утверждает, что природа действительно есть абсолютно замкнутая система, что вне ее нет никаких иных сил, которые могли бы в нее вторгаться; она только ограничивается познанием внутренних взаимоотношений в природе, так как только такое познание есть ее собственное дело и потому она ровно ничего не говорит ни о возможности, ни о невозможности чудес.

Чтобы уяснить логическое соотношение, возьмем аналогичный пример из области соотношений между самими явлениями природы или их комплексами. Механика Галилея учит, что все тела, независимо от их удельного веса, падают на землю с одинаковой быстротой и ускорением; «противоречит» ли этому закону общеизвестный факт, что пушинка падает на землю гораздо медленнее,

чем железная гиря, или что в воде дерево совсем не падает? «Нарушается» ли этот закон тем, что аэроплан вообще не падает, а способен подыматься вверх и лететь над землей? Очевидно нет. Ибо закон Галилея, подобно всем законам природы, содержит молчаливую оговорку: «при прочих равных условиях», или «если отвлечься от всяких посторонних влияний». Отвлеченно установленное соотношение между землей и телом, ею притягиваемым, нисколько не нарушается, и лишь конкретный итог явлений видоизменяется или усложняется от вмешательства новой, еще не учтенной в законе, посторонней силы: в первом случае — силы сопротивления воздуха или воды, во втором — силы мотора, заставляющей пропеллер вращаться и врезываться в воздух. Методологически совершенно так же дело обстоит и с тем видоизменением хода явлений, которое имеет место при чуде, с той только разницей, что там дополнительной, изменяющей общий эффект силой является уже не другая сила природы, а сверхприродная сила. Если Христос, как передает Евангелие, ходил по воде, как по земле, то этот факт так же мало «нарушает» закон тяготения, как и факт полета аэроплана над землей, или плавания в воде тела более легкого, чем вода. Только в последних случаях действие закона тяготения не будучи «нарушено», превозмогается силой мотора или сопротивлением воды, а в первом случае оно совершенно так же превозмогается силою божественной личности Христа. Если человек выздоравливает от смертельной болезни после горячей молитвы к Богу (своей или чужой), то это чудо так же мало «нарушает» установленное медициной естественное течение болезни, как мало его нарушает удачное оперативное вмешательство врача: только в последнем случае болезнь прекращается через механическое изменение ее условий, а в первом — через воздействие на эти условия высшей божественной силы.

Но в том-то и дело — возразят нам — что наука допускает видоизменение явлений природы другими материальными или вообще природными же силами, но не допускает их видоизменения какими-то «духовными», «сверхприродными», «божественными» силами. Это возражение, столь естественное для большинства современных людей, заключает в себе даже не одно, а два недоразумения. Что касается действительной науки, то нельзя сказать, что она «не допускает» вмешательства сверхприродных сил; она только не занимается их изучением и отвлекается от них, как бы игнорирует их. Наука, как указано, занимается изучением соотношения между явлениями или силами природы; вполне естественно, что, занятая этим своим собственным де-

лом, она не усложняет своей задачи еще рассмотрением тех инородных действий, которые могут иметь место при вмешательстве сверхприродных сил; это так же естественно, как естественно, что, напр., архитектор, строя дом, при обсуждении его устойчивости и прочности думает только об обычных, естественных разрушительных силах, но не о бомбардировке из тяжелых орудий. Поэтому так же вполне естественно, что наука, встречаясь с каким-нибудь новым, неожиданным явлением, прежде всего старается отыскать, не есть ли оно действие каких-либо незамеченных ею раньше природных же причин, и потому не сразу верит в наличие чуда, и в этом смысле в пределах своей компетенции и «не допускает» чуда! Это так же естественно, как то, что, напр., судья низшей инстанции, встречаясь с утверждением, что дело ему неподсудно, так как оно относится к компетенции высшей инстанции (напр. есть не простое уголовное, а политическое дело), обязан прежде всего проверить, так ли это, и не исчерпывается ли все-таки дело признаками, определяющими его подсудность низшей инстанции; если такого судью обвинят на этом основании в превышении власти, в отрицании вообще высших инстанций, то это будет совершенно неосновательно и несправедливо. Точно так же поступает и истинная наука. Приступая к каждому явлению, она говорит: я прежде всего должна посмотреть, не окажется ли оно подведомственно мне, т. е. не смогу ли я его объяснить; и я откажусь от своих притязаний только после добросовестной и всесторонней его проверки. Но истинная наука всегда свободна от притязания на всемогущество, на неограниченное свое единодержавие и потому не содержит отрицания возможности действия сверхприродных сил, не входящих в ее компетенцию. Напротив, как мы уже видели, в лице величайших своих представителей, обладающих религиозной верой, она фактически признает эту возможность. Более того: некоторые глубокие мыслители, и притом совсем не руководясь интересами оправдания веры, заходили в своем ограничении универсальности законов природы гораздо дальше, чем то, что предполагается в этом рассуждении нами. Так, Лейбниц, соединявший глубочайшую логическую проницательность с универсальной ученостью, утверждал, что законы природы суть не что иное, как «привычки природы», т. е. некоторый, только временно наладившийся ее порядок, изменчивость которого мы принципиально обязаны допустить. Скептик и позитивист Юм, чуждый всякой религиозной веры, утверждал, что мы не имеем никаких научных или логических оснований верить в неизменность наблюдавшегося доселе порядка явлений, — что из того, что солнце в течение многих тысячелетий или сотен тысячелетий

ежедневно всходит, еще совсем не следует, что оно непременно взойдет и завтра.

Действительно отрицает возможность чудес, т. е. сверхприродных или духовных сил (здесь мы переходим к разъяснению второго недоразумения) не наука, как таковая, а лишь особая, вненаучная вера, особое мирозерцание, которое невежественные или полубразованные люди приписывают самой науке, и которому действительно часто подвержены отдельные ученые, но которое не имеет ничего общего с наукой, а есть именно слепая, безотчетная вера; мы разумеем материализм или натурализм. Материализм отрицает вообще существование духовных начал и сил; натурализм утверждает, что во всяком случае все силы, обнаруживающиеся в мире, действуют как слепые силы природы, и не допускает никаких сверхприродных и разумно действующих сил.

Вот тут мы добрались, наконец, до основного смешения понятий, которое кроется в столь распространенном и с такой решительностью высказываемом утверждении о противоречии между религией и наукой: вместо науки в нем собственно разумеется мирозерцание натурализма (включая в него и материализм). Между наукой в подлинном смысле, имеющей своей задачей хотя и великое, но вместе и скромное дело исследования порядка соотношений в явлениях природы, и религией, как отношением человека к сверхприродным, высшим силам и началам жизни, нет и не может быть никакого противоречия, как это достаточно нами разъяснено. Но есть действительное и неустранимое противоречие между натурализмом (включая материализм) и религиозной верой, между мирозерцанием, утверждающим, что все бытие исчерпывается слепыми (или даже материальными) стихийными силами природы, и мирозерцанием, утверждающим, за пределами «природы», силы иного, духовного или разумного порядка, и допускающим их действие в мире. И корень всей ошибки в том, что наука отождествляется многими с натурализмом (или материализмом), что многим полубразованным людям кажется, будто быть ученым и знающим значит быть сторонником натурализма (или материализма), значит питать гордую уверенность, что на свете нет ничего, кроме слепых сил природы, и допущение чего-либо иного презирать как невежественное суеверие и предрассудок.

И очень легко понять, как происходит это недоразумение, это, по существу, столь нелепое смешение понятий. Когда человек говорит: «я не верю утверждениям религии, потому что они противоречат истинам науки», то он, собственно, хочет сказать: «я не верю утверждениям религии, потому

что я верю только в науку, т. е. я верю, что кроме научных истин никаких других нет, ибо нет никакой области бытия за пределами той действительности, которую познает наука». Вера в единодержавие и универсальность научного знания, основанная на вере в реальность одного только эмпирического, чувственного бытия, незаметно смешивается с верой в выводы научного знания и принимается за нее, тогда как по существу она не имеет с последней ничего общего. Отсюда рождается мнение, что «наука» противоречит религии, тогда как в действительности ей противоречит только идолопоклонство перед наукой, идолопоклонство, в котором самом нет ни грана научности, и которого не разделяют люди, проникнутые подлинным научным духом.

Итак, прежде всего, совершенно очевидно, что натурализм, а тем паче материализм, совсем не совпадает с наукой, а есть сам некая, хотя и отрицательная по содержанию, вера, которая научно не может быть доказана и с наукой не имеет ничего общего.

Кто не только болтает про свое уважение к науке, а кто действительно проникнут духом, образующим существо науки — духом умственной честности и умственного бесстрашия, готовности до конца продумывать свои мысли, не прятаясь ни от каких выводов, если они логически необходимы, — тот скоро придет к неотразимому убеждению. — Одно из двух: либо нужно поверить, что, кроме вихря мировой грязи и пыли, есть еще что-то на свете, есть мировой Разум и мировая Правда, на которые может опереться человек в своих исканиях и надеждах, либо же остается верить только в «дьяволов водевилей» (выражение Достоевского) и тогда человеку не на что надеяться и единственное, что остается человеку, есть или тупая покорность бессмысленной судьбе, или самоубийство.

Но — скажут нам — как ни необходим этот печальный вывод, он совсем не убеждает нас в истинности религиозной веры и в ложности материализма и натурализма. Напротив, то же самое бесстрашие мысли требует, чтобы мы не веровали ни во что, что не доказано и не обнаружено воочию, и, следовательно, мы обречены, как бы трагично это ни было, не признавать ничего, кроме чувственной, эмпирической реальности, которая есть неустранимый факт, и все остальное считать пустой мечтой, не обязательной для нашего разума. В задачу настоящей книжки не входит положительное обоснование истинности религии; это — большая тема, которой, в сущности говоря, посвящена вся философия. Ибо вся философия, осознавшая сама себя и свой предмет — начиная от древних греческих мудрецов — Гераклита, Со-

крата и Платона и кончая новейшей философией наших дней — есть религиозная философия, отыскание и разумное обоснование духовных первооснов бытия. Но одно косвенное обоснование может быть здесь приведено — через усмотрение логической противоречивости материализма или натурализма.

Впрочем, разбирать материализм нет особенной надобности. Кто не верит на слово ходячим уличным идеям (или, вернее, словам) и хоть немного философски образован, тот должен знать, что материализм — убеждение, что кроме материи в мире ничего нет — есть бессмысленное учение, давным давно опровергнутое — учение, о котором наука уже перестала даже говорить. При сколько-нибудь отчетливом определении понятий все материалистические утверждения, вроде того, что «сознание есть продукт материи» и т. п. разоблачаются, как явные недомыслия, с которыми науке, опирающейся на факты и ясные логические понятия, просто нечего делать. Да и ни один уважающий себя ученый не будет уже теперь называть себя материалистом. Впрочем, нельзя отрицать, что ряд других утверждений, производных от материализма или навеянных им, часто еще отравляет сознание и научно образованных людей. Нам нет, однако, нужды специально заниматься материализмом, ибо он есть лишь самая резкая и уродливая форма натурализма, и потому опровержение натурализма тем самым уничтожает и всяческий материализм.

С другой стороны, здесь нам не нужно пускаться в сложные обсуждения утверждений натурализма по существу; достаточно показать чисто формально то внутреннее противоречие, которое ему присуще и которое делает его учение бессмысленным. Дело обстоит очень просто. Натурализм утверждает, что мировое бытие исчерпывается совокупностью слепых стихийных сил природы, и что и человеческое сознание, человеческий разум, совесть, все человеческие понятия и идеи, подобно всему остальному, суть лишь результат мировой эволюции. Но натурализм, подобно всякому вообще учению или утверждению, претендует сам на истинность, считая себя теорией, разумно обоснованной, а все, что ему противоречит, напр. религиозное сознание — заблуждением. Следовательно, натурализм верит в абсолютное различие между истиной и заблуждением, между разумной и доказанной мыслью и бессмыслицей. Но как возможно для человека установить, где истина и где ложь, и как возможно даже само понятие «истины» и «разумности», если все на свете, в том числе и человеческая мысль, есть только продукт слепых сил природы и не имеет никакого высшего значения? Ведь, если человеческая мысль есть только, так сказать, искорка, вспыхивающая в человеческом мозге

на основании некоторых природных свойств мозга, и человеческое различие между истиной и заблуждением есть тоже только естественное свойство или естественно возникающая мысль в человеческом сознании, то оно не имеет большего значения, чем различие между «приятным» и «неприятным», «вкусным» и «невкусным». Человек так устроен, что имеет такие-то представления; и он так устроен, что одним из этих представлений он «верит» (испытывает к ним чувство или настроение доверия) и называет их «истинными», другим — не верит и потому называет их «ложными». Откуда мы можем знать, что одни из этих представлений или мыслей действительно истинны, другие же — действительно ложны? Скажут: об этом свидетельствует опыт; те представления, которые дают возможность целесообразно действовать и хорошо ориентироваться в мире, истинны, а противоположные — ложны. Но опыт в этом смысле разве только показывает, что одни представления полезны человеку, а другие — вредны.

Какое право мы имеем вообще говорить об абсолютной истине и какой смысл имеет это понятие? «Абсолютная истина» предполагает «абсолютный смысл»; это есть оценка человеческих мыслей и утверждений с точки зрения какого-то высшего, уже не человеческого, а именно самодовлеющего, абсолютного критерия. Но если в бытии нет ничего, кроме слепых сил природы, то мысль о таком критерии, о такой последней оценке человеческих мыслей сама бессмысленна, и есть только остаток религиозного верования, веры в абсолютный смысл и разум. Но тогда натурализм побивает сам себя, содержит внутреннее противоречие. Сказать: «я утверждаю, что в бытии нет ничего, кроме слепых сил природы, и что к ним принадлежу и я сам» — все равно сказать: «я утверждаю, как разумную и доказанную истину, что никакой истины нет» — или, что то же самое: «я утверждаю, что все на свете бессмысленно, в том числе и это мое утверждение». А это собственно значит: «я утверждаю, что я ничего не могу разумно утверждать». Отрицать объективное, онтологическое значение разума и истины значит утверждать абсолютный скептицизм, абсолютную бессмысленность всех человеческих утверждений. Другими словами: отрицать основную мысль религиозного сознания, что эмпирическое бытие подчинено высшему, абсолютному началу Правды и Разума, значит одновременно отрицать возможность и науки, как системы разумно обоснованных мыслей, имеющих право считать себя подлинно истинными. Не натурализм, не вера в положительную науку, а только абсолютный скепти-

цизм, неверие ни во что, ни в какое человеческое знание, и даже неверие в свое собственное неверие (как в разумную мысль), чувство абсолютной бессмысленности всего и беспомощное состояние головокружения от этого сознания — вот единственно «последовательная» позиция, которая остается тому, кто отрицает великое абсолютное, разумное начало в бытии. И этот наш вывод есть вовсе не итог какого-то замысловатого, искусственного рассуждения. Этот вывод давно уже сделан всеми последовательными позитивистами и атеистами. Начиная с английского позитивиста Юма и кончая современными «эмпириокритицистами» и «прагматистами» (Мах, Авенариус, Пуанкаре и др.), атеизм доходит до убеждения, что «наука» совсем не открывает нам «истину», что она не имеет никакого абсолютного преимущества над представлениями даже невежественного человека, а что она только научает нас сокращенным выражениям наших мыслей, дает систему значков, пользуясь которыми мы можем полезно действовать (и что в этом отношении нет никакой разницы между наукой и религией). Словом, последовательная атеистическая мысль в Европе давно уже дошла до того сознания, которое выражено в старых детских стишках: «Все на свете чепуха, чепуха и враки». И только в нашей наивной матушке России господствуют еще люди, которые с умным видом верят, что, отрицая разум, как абсолютную, высшую инстанцию, еще можно утверждать разумность науки и неразумность религиозной веры.

И это противоречие заключено не только в теоретическом взгляде на человека и на научное знание; оно с такой же остротой проникает и все практическое мирозерцание. Какой-нибудь инженер, гордящийся своим знанием и умением, уверенный, что он может силой своей мысли овладеть силами природы, заставить их служить человеку, разумно переустроить мир, — вместе с тем убежден, что и он, и вся его мысль, есть только продукт и часть той же самой слепой природы. Если мысль человеческая, познавая истину, силою своего обладания истиной может подчинить себе мертвую природу, воздействовать на нее и переделывать ее, как можно отрицать власть разумного духа над телесным миром? И как можно тогда отрицать, напр., власть духа над собственным телом человека, которую обнаруживает и осуществляет аскет, в качестве, так сказать, инженера над своим собственным телом? Медицина, успехи которой, подобно успехам техники, суть замечательное свидетельство могущества разума над слепыми и бессмысленными силами природы, до последнего времени в Европе странным образом не верила в непосредственную власть духа над телом и умела только лечить лекарствами или хирургическим вмешатель-

ством. Но за последнее время и европейская медицина все более учитывает то, что знали всегда в древности, что хорошо знают восточные народы (напр. индусы), — именно, что человек есть не только раб своего тела, но и господин над ним, и что духовное усилие в деле выздоровления имеет часто огромное, принципиальное, неизмеримо большое значение. Та непосредственная власть духа над телом, которая из ежедневного опыта известна всякому здравомыслящему человеку и выражается в формуле: «захочу и сделаю то и то» — и для отрицания которой в угоду материализма науке приходилось выдумывать искусственные и совершенно нелепые теории (вроде теории психофизического параллелизма, по которой влияние воли на движения тела только кажущееся, а не реальное) — эта самая власть духа над телом может выразиться и в формуле: «захочу и буду здоров». А если вспомнить, что в основе этого лежит собственно сознание объективной, онтологической общебытийственной значительности духа, т. е. представление, что единственный человеческий дух есть производное от некоего общего духовного начала, проявляющееся в мире, то отсюда — только один шаг до признания возможности чудесных исцелений через молитву, — что для беспристрастного сознания подтверждается тысячекратным опытом. Ибо, что такое есть это действие молитвы, как не укрепление человеческого духа через соприкосновение его с превышающим его общим источником духовных сил? Словом, и ли надо утверждать, что человек целиком и сполна есть только животное и ничего более — и тогда нельзя верить в то, что это животное называет «наукой» и в ее власть над слепыми животными силами, и человек обречен на бессилие перед лицом этих сил, образующих его собственное существо; или же человек на самом деле есть не только животное, а еще и нечто высшее — и тогда мы уже вступили в сферу религиозного сознания.

О том же противоречии в области нравственных и политических воззрений мы уже говорили выше. Тут оно так разительно, что можно только недоумевать, как люди, не лишенные ума и сообразительности, не замечают его. Одно из двух. Или вечная мечта человека о правде, добре, о разумной жизни имеет объективное основание, надежду на осуществление; тогда это значит, что добро и правда, — не субъективная выдумка, а онтологическая реальность и сила, лишь обнаруживающаяся в нравственно-общественной воле человека; или же человек есть действительно только животное, и тогда он обречен на бессилие в общественной жизни, так же, как и во всех других областях жизни.

Таким образом, вопреки распространенным представлениям, не только

наука не противоречит религии, и вера в науку — вере в религию, но дело обстоит как раз наоборот: кто отрицает религию, по крайней мере основную мысль всякой религии — зависимость эмпирического мира от некоего высшего, разумного и духовного начала — тот, оставаясь последовательным, должен отрицать и науку, и возможность рационального миропояснения и совершенствования. И наоборот: кто признает науку и вдумывается в условия, при которых она возможна, тот логически вынужден прийти к признанию основного убеждения религиозного сознания о наличии высших духовных и разумных корней бытия.

Но есть и еще один момент, который объединяет научное и религиозное сознание и отделяет их совместно от неверия. Если оба они сходятся в том, что признают некое сверхэмпирическое начало — разумный дух, постигающий бытие и воздействующий на него, то оба они, с другой стороны, сходятся и в том, что признают глубинность, таинственность, непостижимую до конца беспредельность бытия. Это утверждение может показаться особенно парадоксальным и невероятным. Обычно между наукой и религией в этом отношении усматривается, наоборот, коренная противоположность: наука все объясняет, раскрывает, сводит к рациональным началам, религия окутывает свой объект покровом непостижимой тайны и апеллирует к слепой вере, к покорному послушанию авторитету. Но это традиционное противопоставление совершенно ложно. Что касается «слепоты» религиозной веры, то всякий, знакомый с этой областью не только по наслышке и в особенности ознакомившийся с религиозными мыслителями, с литературой богословия, должен знать, что религия, при всем признании безмерности, таинственности, непостижимости до конца своего объекта, вместе с тем претендует быть таким же строго объективным знанием, как наука; ее отличие от «рациональных» наук только в том, что в ней единственный источник знания есть непосредственный опыт, который не так легко и просто, как в других областях знания, может быть выражен в системе понятий, и что этот опыт не может быть механизирован, не может получить помощи ни от какого телескопа или микроскопа, а требует развития, так сказать, личной остроты зрения — развития, необходимо связанного с целостным развитием и совершенствованием человеческого духа; поэтому стать «мастером», «знатоком» или «сведущим» в области религиозного знания гораздо труднее, чем научиться какому-либо иному знанию, и именно потому здесь естественно имеет большее значение авторитет «мастеров». Но главное, на что мы хотели бы обратить внимание, заключается в обратной стороне дела — в

том, что и наука, подобно религии, полна того чувства тайны, непостижимости бытия до конца, ограниченности человеческого знания перед лицом его объекта.

Дело очень просто. В чем главный импульс научной работы, стремления науки к познанию, к открытиям? Он заключается именно в загадочности бытия для ученого, в чувстве «изумления» (как говорил еще Аристотель). Истинный, прирожденный ученый, творец научного знания, останавливается в глубоком недоумении перед лицом как будто общеизвестных и «понятных» фактов. Там, где средний человек довольствуется привычками, ходячими понятиями и где с их точки зрения ему все представляется простым и очевидным, ученый спрашивает: «Как это возможно? Почему это так?» Ученый хочет проникнуть глубже в реальность, чем это принято и чем это делает обычный человек; а это значит, что он всегда сознает скрытую, еще недоступную, ускользающую от обычного взора глубину бытия. Тот не ученый, не человек науки, для кого весь мир исчерпывается непосредственно видимым, кому кажется, что он обзирает всю реальность, что она лежит перед ним, как на ладони, и что очень легко и просто все узнать. Напротив, лишь тот — ученый, кто чувствует таинственные глубины бытия, кто непосредственно, вместе с Шекспиром, знает: «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Знание своего неведения, выраженное в словах Сократа: «я знаю только то, что я ничего не знаю», есть начало и постоянная основа научного сознания. Великий Ньютон, проникший в тайны строения и движения вселенной, говорил о себе: «не знаю, чем меня признают потомки, но себе самому я представляюсь маленьким мальчиком, который на берегу безграничного океана собирает отдельные ракушки, выброшенные волнами на берег, в то время как сам океан и его глубины остаются по-прежнему для меня непостижимыми». Не удивительно, что с научным гением он соединял религиозную веру. И, напротив, наглая самоуверенность, высокомерное чувство: «я все знаю, и мне все ясно, и я презираю с высоты своей просвещенности всякие тайны и загадки, которых для меня уже больше нет», — это чувство, основа презрения к религиозному сознанию и насмешки над ним, есть характерная черта невежды — человека, который не только ничего, как следует, не знает, но и не знает даже того, что он ничего не знает.

В основе как религиозного чувства, так и научного сознания — в основе искания и творчества и в науке, и в религии — лежит одно и то же первичное отношение к бытию, отличающее творцов научной мысли и религиозного сознания от обычных людей,

от настроения косности и обыденщины, — словом от умственной ограниченности; это отношение может быть названо метафизическим сознанием — сознанием значительности, полновесности, глубинности и безмерности бытия; и это сознание сопровождается необходимо определенным настроением и зумления и благоговения. Когда мы из тесных комнат дома, из узких улиц города, загораживающих горизонт высокими строениями, вырываемся на простор поля или степи, или когда мы, поднявшись на высокую гору, вдруг видим широкий, необъятный горизонт и имеем непосредственное сознание, что за всей этой видимой нам ширию еще лежит бесконечный мир, — тогда мы вдруг остро ощуща-

ем, в какой тесноте и потому слепоте мы обычно живем, как ограничен наш обывательский горизонт и нас охватывает вместе с ярким сознанием нашего собственного ничтожества, радостное чувство жизни, мощи и воли. Таково именно постоянное сознание как творцов научной мысли, так и религиозных людей. Это пребывание в атмосфере бесконечности, это дыхание свежим воздухом простора и черпание через него новых живительных сил отличает их обоих от обывателя, изнывающего и тупеющего в своей духоте и тесноте. И потому, эпохи веры суть всегда эпохи творчества, прилив новых сил, а эпохи неверия суть эпохи упадка, оскудения и застоя.

ших в западной Германии отдельной книжкой*), что ординарный профессор марксистской философии Ленинградского университета Фаталиев спросил его, верно ли, что физики говорят о конечном радиусе космоса. Хавеман ответил, что это верно, и что его можно рассчитать. Фаталиев задал тогда вопрос, звучащий для физика наивно: «а что же находится за этим радиусом?» Уже сама постановка вопроса предполагает наличие ньютоновского абсолютного пространства, того самого, которое диалектический материализм всегда отрицал. Но, действительно, нашему воображению очень трудно представить себе чистое «ничто». В виде «ничто» нам представляется какое-то пустое пространство, которого, однако, на самом деле вовсе не существует. Пространство есть тоже «ничто»; там, где «ничто», там нет ни пустого пространства, ни времени.

В. ПИРОЖКОВА

Пространство и время

Что такое пространство и время? Ньютон говорил об абсолютном пространстве. Кант считал то и другое некими априорными взглядами, которые наше сознание вносит в эмпирический мир для его упорядочивания.

Представители диалектического материализма указывают с гордостью на то, что они всегда отрицали как ньютоновское понятие абсолютного пространства (в известном смысле, однако, советские философы говорят об абсолютности пространства и времени и об их одновременной относительности), так и мнение Канта. Диалектический материализм в противоположность этому всегда утверждал, что пространство и время являются лишь формами существования материи. Это теперь и доказано теорией относительности Эйнштейна.

Нет сомнения, что относительность времени и пространства гармонирует с определением их как формы существования материи. Но отчего же тогда представители советского марксизма реагировали сначала так отрицательно на появление теории относительности и называли ее «буржуазной физикой»? Интересно, что в то же самое время и национал-социалисты относились к теории Эйнштейна крайне отрицательно, называя ее «еврейской физикой». Но ясно, что не существует ни «буржуазной», ни «еврейской» физики, физика для всех одна. Прошло много лет и было много борьбы прежде, чем теория относительности была в Советском Союзе официально признана. Физики не могли обойтись без этой теории, все более и более подтверждавшейся опытами и наблюдениями, и для марксистских философов не представлялось больше возможности сопротивляться ее признанию. Вот только

тогда они и сообразили, что диалектический материализм «собственно говоря всегда называл время и пространство формами существования материи», и что это определение не противоречит их относительности.

Что же останавливало советских марксистов так долго и мешало им признать теорию относительности? Незнание своей собственной философии, леность и косность мысли многих официальных интерпретов диалектического материализма в Советском Союзе, особенно в сталинское время, сыграли, конечно, свою роль. Но есть и более важные причины, принудившие советских марксистов выступать сначала вообще против теории относительности и принуждающие их еще и сейчас сопротивляться некоторым важным выводам из нее.

Дело в том, что советская философия не ограничивается определением пространства и времени как формы существования материи, но она также одновременно постулирует, что пространство и время безграничны и бесконечны. Безграничность и бесконечность не одно и то же. По поверхности шара можно, например, двигаться, не встретив нигде границы, но такая поверхность не бесконечна, она измерима и конечна. А между тем как раз таким огромным шаром и представляют себе физики весь наш космос, огромным и безграничным, но конечным во времени и пространстве. Этого вывода, сделанного физиками из теории относительности, советская философия принять не может, т. к. это противоречило бы ее постулату о бесконечности времени и пространства.

Немецкий физик Роберт Хавеман, живущий в восточной Германии, рассказывает в своих лекциях, вышед-

Но может наше воображение справиться с этим или нет (бесконечность в пространстве и времени также трудно себе представить!), нам придется отказаться от понятия линейной бесконечности как пространства, так и времени. Физики указывают на целый ряд явлений, которые исключают возможность линейной бесконечности в пространстве и времени. Так, например, если б звезды светили нам из пространственной и временной бесконечности, то свет их слился бы в одну сплошную стену, и у нас не было бы больше ночи. Пояснить это явление можно, скажем, сравнением с лесом: даже, если это еще очень молодой лес с тонкими и редко посаженными деревьями, то все же, если он достаточно длинен, то для глаза наблюдателя он на какой-то средней линии сольется в сплошную стену. Как звезды ни малы по отношению к пространству между ними, но если они излучают свет бесконечное время и из бесконечного пространства, то волны света должны были бы слиться на этой средней линии в одну сплошную стену света. Мы каждую ночь можем наблюдать, что этого на самом деле нет.

Еще интереснее, может быть, выводы из закона энтропии. Этот закон уже давно являлся камнем преткновения для защитников бесконечного существования нашего материального мира в будущем. Как известно, существует особый род тепловой энергии, который неспособен превращаться ни в какие другие роды энергии и остается в мире в виде «осадка». Этот тепловой осадок в мире постоянно увеличивается, так что, в конце концов, все виды энергии должны были бы превратиться в эту необратимую теплоту и для мира дол-

*) Robert Havemann. *Dialektik ohne Dogma? Naturwissenschaft und Weltanschauung*. Rowohlt-Verlag, Hamburg, 1964.

жна была бы наступить «тепловая смерть». Материалисты пытались разрешить этот вопрос утверждением, что закон энтропии действителен только для «закрытых», а не для «открытых» систем, поскольку же весь мир с его бесконечностью во времени и пространстве является открытой системой, то для него закон энтропии недействителен. Однако, физики считают, что закон энтропии действителен и для открытых систем. Пока дело шло о далеком будущем, вопрос о тепловой смерти казался более или менее абстрактной теорией. Но вот Хавеман и другие физики предлагают поставить обратный вопрос и проследить закон энтропии не по направлению к будущему, а по направлению к прошедшему. И тогда мы получим интересный результат: если наш мир бесконечен не только в будущем, но и в прошедшем, то тепловая смерть давно уже должна была наступить. Или же надо предположить, что закон сохранения энергии неверен, чего ни один материалист не признает, потому что этот закон является основой материалистического взгляда на мир. Отсюда ясно, что мир не мог существовать бесконечно, но когда-то имел начало.

Хавеман, считающий сам себя последователем диалектического материализма, но только «настоящего», а не «искаженного» современными официальными его толкователями в коммунистических странах, называет, ссылаясь притом на Гегеля, линейную бесконечность «дурной» бесконечностью. Он противопоставляет ей бесконечное число пространственно-временных элементов внутри конечной системы космоса. Он предлагает представить себе космонавта, летящего со скоростью, близкой к скорости света. В течение нескольких лет он смог бы облететь весь космос, но для того пункта, из которого он вылетел, за это время прошли бы миллиарды лет, все до такой степени бы изменилось, что он просто не смог бы вернуться в исходный пункт. Вот в этой относительности времени и пространства Хавеман видит новый вид бесконечности как диалектическую противоположность конечности мира. Но это не та линейная бесконечность, которую постулируют советские марксисты.

Есть еще много других явлений в физике и астрономии, которые ясно указывают на конечность мира, например, известное «красное смещение» в спектре. Красное смещение указывает на то, что космос сейчас постоянно расширяется во все стороны, это так называемая экспансия космоса. Скорость расширения можно рассчитать и, продолжая этот расчет в обратную сторону, астрономы приходят к выводу, что приблизительно 10 миллиардов лет тому назад весь наш огромный космос находился на каком-то минимально малом пространстве, в «первоатоме», или, мо-

жет быть, в не имеющей протяжения математической точке. Затем началось расширение мира с одновременным расширением пространства, как уже указано, пространства самого по себе никогда не существовало. Это также тот пункт, когда время было равно 0, начало нашего мира.

Советские марксисты яро нападают на эти выводы физиков и астрономов, сделанные ими из наблюдений, и называют эту теорию «реакционной» и «фидеистской». Но научная теория не может быть ни «реакционной», ни «прогрессивной», она может быть только правильной или неправильной. Если какая-либо обоснованная научная теория или новооткрытый научный факт противоречит философии марксизма, то от этого новые научные открытия и теории не становятся реакционными, наоборот, реакционной следует назвать ту философию, которая пытается затормозить дальнейшее движение научной мысли и приковать ее к ряду априорных философских постулатов, высказанных 100 лет тому назад. Ученые физики и астрономы в Советском Союзе и сами прекрасно знают, какую реакционную, тормозящую роль играла и играет философия марксизма по отношению к изысканию новых научных путей. «Не читайте наших философов, читайте наших физиков», — сказал мне не так давно молодой естествовед из Сов. Союза. И живущие в Советском Союзе физики и астрономы не сомневаются в том, что был изначальный пункт мира, пункт $t = 0$. В этом пункте начался наш мир, началась не только материя, но и пространство, и время, и те закономерности мира, которые нам известны. «А что было до пункта $t = 0$?» — этот вопрос задают и физики в Советском Союзе.

На этот вопрос естественные науки ответа дать не могут. Существует гипотеза «пульсирующего космоса». Она гласит, что наш космос все время сжимается до малюсенькой точки, а потом снова расширяется — до каких размеров, мы не знаем — и снова начинает сжиматься, так что наш теперешний мир не первый и не последний, до него было бесконечное множество миров и после него будет их бесконечное множество. Таким образом, спасена «вечность» материи. Но у нас нет никаких данных, указывавших бы на возможность такого решения. Пока мы имеем дело с расширяющимся миром, а предположение «пульсирующего мира» — это только фантазия.

Вывод физиков относительно начального пункта $t = 0$ еще не означает, что тогда было (если в данном случае вообще можно употреблять этот глагол) чистое ничто, о котором говорит Библия; $t = 0$ для физика означает только, что тогда не было ни того мира, каким мы его знаем,

ни его закономерностей. Но, может быть, было что-то совсем другое, с совсем другими закономерностями. Может быть... Естественные науки на этот вопрос ответить не могут, это выходит за границы их компетенции. Они только могут сказать, что тот мир, который мы единственно знаем, конечен в пространстве и во времени, что он однажды имел начало. На этом они ставят точку.

Но марксисты идут дальше. Основываясь только на аргументах своей философии, которую они упорно называют «научной», они отказывают естественным наукам в праве исследовать, думать и делать выводы даже в пределах их компетентности. В книге «Основы марксистской философии» мы читаем: «Отказ от признания бесконечности пространства и времени ведет к отходу от материализма. Если время не бесконечно, если мир существует не вечно, то, значит, был когда-то момент, когда мира не было, значит, он создан кем-то, существующим вне времени. Если пространство не бесконечно, если материальный мир конечен, то, значит, за его пределами существует нечто внепространственное, нематериальное. Но и то, и другое — бессмыслица. Никакое бытие вне времени и пространства невозможно*»).

Почему невозможно? Потому что диалектический материализм так постулировал, и если мы будем думать иначе, то мы отойдем от материализма. А что случится, если мы все же рискнем совершить такую «ересь»? Ясно, что аргументация марксизма совершенно ненаучна, это аргументация философии, но притом дурной, антинаучной философии. Истинная философия не ставит своему мышлению с самого же начала догматических преград: думай только до сих пор и дальше не смей! В прошлом столетии многие были искренне убеждены, что наука доказала невозможность бытия вне времени и пространства. Теперь ясно, что это была ошибка. Наука говорит только об явлениях, протекающих во времени и пространстве, и она не может сказать ничего ни положительного, ни отрицательного о том, что лежит вне времени и пространства. Но наука последнее время очень близко подошла к границам пространственно-временного мира и как раз наука указала (не доказала, потому что это лежит вне ее компетенции) на возможность внепространственного и вневременного, т. е. по-настоящему вечного бытия.

Вернемся, однако, к рассмотрению еще некоторых особенностей времени. Время относительно. Оно течет

*) Основы марксистской философии, АН СССР, Москва, 1960, стр. 135.

быстрее или медленнее в зависимости от скорости движения. При передвижении со скоростью света возможность измеряемости времени прекращается. Время ли останавливается или только его измеримость становится невозможной, мы пока не можем сказать. Между прочим, непонятно, как при признании этих выводов из теории относительности марксисты еще могут говорить о линейном бесконечном движении во времени, о процессах, «идущих один за другим и составляющих бесконечную длительность времени»*).

Как для пространства, так и для времени нет абсолютной системы координат, с помощью которой можно было бы установить одновременность или последовательность процессов, да еще и бесконечную. В зависимости от выбора системы координат и элементы времени будут меняться, нельзя говорить об абсолютной одновременности событий. Синхронизированные часы идут различно в зависимости от того, находятся ли они в состоянии покоя или движутся. Только скорость света одинакова для всех систем, скорость света, это пограничная величина, за которой начинается другой мир (если он существует, земным наблюдателям не удалось установить скорости, больших скорости света). Но как раз, если мы возьмем свет (какую-нибудь вспышку света) как пограничную координату, то мы увидим, что одновременности для пространственно-далеко друг от друга отстоящих наблюдателей не существует. То событие, которое для одного наблюдателя было прошедшим по отношению к вспышке света, для другого явится будущим. Т. е. оба наблюдателя совершенно равноправны, понятия прошедшего и будущего в известных пределах теряют свою абсолютность.

Здесь возникает еще один интересный вопрос: если время относительно и длина его зависит от физической скорости передвижения, если мы должны навсегда распрощаться с хрономом наших предков, неуловительно отстукивавшим секунды, минуты и часы, вне всякой зависимости от событий, то нет ли еще и других форм зависимости времени и его относительности? Люди всегда знали, что время иногда «очень медленно тянется», а иногда «быстро летит». Только ли это психологический фактор, только ли нам это кажется, или же у каждого из нас есть свое субъективное, но совершенно реальное время, которое стоит в особом соотношении с физической и духовной структурой каждого из нас, с нашей собственной «системой координат»? Хавеман удивляется, как многие еще

сохранили наивное представление о равномерно текущем времени, несмотря на то, что каждый из нас уже переживал полные содержания и пустые промежутки времени. Тот же Хавеман подымает другой интересный вопрос: течет ли время в истории всего человечества всегда одинаково? Он думает, что на это следует дать отрицательный ответ. Время, по его мнению, шло в первые периоды человечества очень медленно, постепенно ускоряя свой темп. Теперь оно начинает лететь с головокружительной быстротой по направлению к какой-то глобальной катастрофе. Не обязательно, конечно, разделять пессимизм Хавемана, тем более, что поставленные им здесь проблемы еще только проблемы и гипотезы, хотя и весьма интересные. Ценно и интересно также то, что Хавеман — гражданин коммунистического государства и, по его собственному признанию, бывший сторонник ортодоксального марксизма, пришел к выводу о его несостоятельности и не побоялся это высказать, за что и был лишен университетской кафедры и исключен из членов Академии наук.

Физики и философы, живущие на западе и не вынужденные подгонять свои размышления под те или иные философские постулаты, высказывают еще более неожиданные предположения. Чтобы пояснить высказывание английского физика Эддингтона скажем несколько вводных слов. Как известно физики объединяют теперь время и пространство в один пространственно-временной континуум, время играет роль четвертой координаты, таким образом можно говорить о четырехмерном «пространстве». Время и пространство зависят друг от друга. Но между тремя чисто пространственными координатами и координатой «время» есть существенная разница. В пространстве мы можем двигаться в разных направлениях, можем пройти один и тот же путь вперед и потом обратно. В пространстве все вещи стоят на своих местах, мы можем от них удалиться и снова к ним вернуться, — если только координата «время» не сыграт с нами злой шутки. Если, например, за время нашего отсутствия в дом попадет бомба, то мы уже не сможем в этот дом никогда больше вернуться. Время необратимо. Прошедшие события существуют только в нашей памяти, будущих еще нет, реально только настоящее. Так ли это? Если прошедшее и будущее может хотя бы в некоторой степени «смещаться» в зависимости от расстояния между двумя наблюдателями, так что то, что для одного является уже настоящим, для другого еще будущее, то можно ли говорить об абсолютном прошедшем и будущем? Эти соображения и побудили Эддингтона сказать, что события не приходят, они все уже имеются, и мы встречаем их на нашем пути**).

Это оригинальная мысль, но если она правильна, то ведь мы лишаемся свободы, мы не творим событий, мир детерминирован! Очень своеобразный швейцарский философ Жан Гебстер думает, что и в этом случае мы не лишаемся свободы, потому что, решаясь на тот или другой поступок, мы выбираем наш путь во времени и в соответствии с этим выбором встречаемся с теми или другими событиями. Гебстер называет эту точку зрения, напротив, «освобождением от времени»***). Он вообще предвидит постепенное коренное изменение привычной нам теперь картины мира, изменение, которое по своему значению будет не менее важно, чем переход от птолемеевой системы мира к коперниковской. Эта новая картина мира еще возникает. Многие в ней уже не подлежат сомнению, другое — еще догадки, гипотезы, смелые порывы мысли, как, например, высказывания Эддингтона. Но когда читаешь мысли современных физиков, то невольно вспоминаешь, что древняя Библия за много столетий до современных открытий знала об относительности пространства и времени, знала, что для вечного бытия прошедшее, настоящее и будущее образно сразу, т. е. в каком-то совсем ином смысле «одновременно», причем этот термин может быть употребляем только символически, потому что для вечного, вневременного бытия нет и «одновременности» в нашем земном смысле.

Пьер-Симон ЛАПЛАС

ПЕРВОПРИЧИНА ДВИЖЕНИЯ***)

Сущность этого удивительного явления, с помощью которого любое тело перемещается с одного места на другое есть и вечно останется необъяснимой. Это явление мы называем силой. Мы в состоянии установить только ее проявления и законы ее действия.

Можно с вероятностью миллиардов к единице утверждать, что такое явление, как вращение планет вокруг солнца и т. п. не может быть случайностью. Мы должны поэтому признать, что некая Первопричина установила это движение.

***) Arthur Eddington. Space, Time and Gravitation. Цитировано по: Jean Gebster. Abendländische Wandlungen, стр. 33.

****) Jean Gebster. Abendländische Wandlungen, Ullstein-Verlag, Berlin, 1963.

*****) Из сборника:

„Die schönsten Gebete der Welt“. Südwest-Verlag, München, 1964.

*) Основы марксистской философии, АН СССР, Москва, 1960, стр. 135.

ГЕОРГИЙ КАТКОВ

Россия в 1917-ом году^{*}

Профессор Георгий Михайлович Катков — известный русский историк, преподающий в Оксфордском университете.

В настоящее время находится в печати его труд на английском языке «Россия в 1917-м году», несомненно

представляющий интерес и для русского читателя.

С любезного согласия уважаемого автора редакция приступает к публикации на страницах «Зарубежья» отдельных отрывков из этой книги.

ГЛАВА V. ВМЕШАТЕЛЬСТВО ГЕРМАНИИ ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА РОССИИ

1. Вступление

История политического вмешательства Германии и Австро-Венгрии во внутренние дела России во время Первой мировой войны, в частности во время событий 1917-го года, никогда не была полностью вскрыта. Большинство участников этого вмешательства были одинаково заинтересованы в том, чтобы скрыть свое участие, равно как и цель и тактику этой политической акции. Документальных доказательств этого дела не было, их заменяли слухи и предположения. Русские революционные круги, в особенности большевицкие, обвинялись в том, что они действуют в согласии и при поддержке германского правительства. Большевики категорически отвергали эти слухи, называя их реакционной клеветой. Накануне революции обвинения в измене предъявлялись также императорскому Двору и правительству и сильно подрывали их авторитет. Спор о связях большевиков с Германией имел довольно большое политическое значение во время гражданской войны в России (1918-20 гг.). Как раз в это время появился целый ряд документов, доказывающих, что Ленин и его сторонники действуют по германским указаниям и снабжаются деньгами из Германии. Это так называемые «документы Сиссона»¹⁾.

Позднее выяснилось, что за исключением нескольких незначительных подлинных документов, вкрапленных в эту серию, все остальные были фальсифицированными. Однако уже и во время гражданской войны «документы Сиссона» вызывали подозрения у тех, кто считал, что предъявляемые большевикам обвинения являются клеветой. До середины 50-х годов вопрос этот оставался невыясненным.

^{*}) George Katkov. Russia 1917. The February Revolution. Longmans, Green & Co, London, 1967. XXVIII + 490 стр.

¹⁾ Документы с факсимиле были опубликованы в книге Эдгара Сиссона: «100 Red Days», Yale/London, 1931. См. также: С. П. Мельгунов. «Золотой немецкий ключ к большевицкой революции», Париж, 1940 и Джордж Кеннан, статья в The Journal of Modern History, 1956, где все данные обстоятельно проанализированы.

В конце Второй мировой войны в руки союзников попал архив германского министерства иностранных дел. Ряд документов из этого архива, относящихся к интересующему нас вопросу, был опубликован в середине 50-х годов²⁾. До сих пор, однако, мало было сделано в смысле использования этих документов в целях переоценки событий 1917-го года. Хотя и возможно, что в ближайшие годы, по истечении 50-летней давности, будут опубликованы еще и другие документы из различных государственных архивов, мне кажется необходимым посвятить отдельную главу рассмотрению этого вопроса на основании документов, ставших уже доступными.

В 1914-ом году германское правительство пришло к убеждению, что Германии не удастся довести войну на два фронта до победы. Встал вопрос — каким путем можно ослабить союз противников? Напрашивались две возможности. Во-первых: заключить сепаратный мир с одним из сильных врагов. Для этого было постановлено обратиться к ряду лиц, находившихся в стане врага, но известных своими пронемецкими настроениями и считавших войну с Германией несчастьем, и добиться их содействия в целях заключения сепаратного мира. Германское правительство учитывало и то обстоятельство, что придется поступиться некоторыми определенными военными целями. Во-вторых: найти и поддержать любые разрушительные силы, любую форму повстанческих движений в лагере противников; поддержать их вне зависимости от их отношения к Германии.

2. Предложения сепаратного мира и отклик на них в России

Следуя первому пути, германское правительство, используя династические связи, неоднократно обращалось

к отдельным правителям стран Антанты с предложением отказаться от войны с Германией и даже присоединиться к последней против своих союзников. Подобные предложения неоднократно делались русскому Двору, при посредстве датского государственного советника Андерсена и различных родственников императрицы Александры Федоровны и вдовствующей императрицы Марии Федоровны. С абсолютной достоверностью мы знаем теперь, что ни одна из этих попыток германского правительства откликнуться не нашла. Последняя попытка имела место летом тысяча девятьсот шестнадцатого года, когда Николай II дал понять датскому королю Христиану, что предметом обсуждения может быть только общий мир, а переговоры о сепаратном мире и нежелательны, и невозможны.

Когда с другой стороны японский посредник барон Ушида предложил Германии переговоры со всей Антантой, кайзер пришел в ярость и на рапорте Люциуса фон Штедтена от 17 мая 1916-го года поставил следующую резолюцию: «Так как сепаратный мир не может быть заключен, вся эта фальшь не имеет смысла. Большого можно добиться решительными действиями. Они (т. е. японцы) нам не нужны как посредники для заключения общего мира».

Николай II так очевидно и не узнал, что одним из инициаторов этих дипломатических акций по отношению к русскому Двору был не кто иной, как его бывший премьер-министр граф Витте. В начале войны Витте написал Мендельсону-Бартольди, директору немецкого банка, в котором хранились его значительные сбережения, письмо. В нем он возлагал вину за эту войну на англичан и утверждал, что если бы он был у власти, то «этот ад никогда не разгорялся бы». Он предлагал «откровенные переговоры между императорами», которые можно было бы организовать при помощи семейных связей. Роберт Мендельсон передал это предложение германскому министру иностранных дел фон Ягову³⁾.

³⁾ Шерер и Грюневальд, стр. 64.

Каковы бы ни были мотивы Витте, это поведение было и неразумным и вредным. Происхождение его состояния достойно расследования. В 1912-ом году Витте обратился с просьбой к императору подарить ему 200 000 рублей, указывая на то, что находится в стесненных обстоятельствах. Коковцев поддержал эту просьбу и Николай II, хотя и неохотно, но согласился. См. мемуары гр. В. Н. Коковцева: Out of my Past. Oxford University Press, 1935, стр. 329 и след.

В начале войны сбережения Витте в Германии были конфискованы, что очевидно его беспокоило. 25-го января (7-го февраля 1915) Витте написал Мендельсону, что ему сделано якобы предложение быть представителем России на мирной конференции после войны. Поэтому он просит Мендельсона, в случае, если он считает его назначение для немецкой

²⁾ L'Allemagne et les problèmes de la paix. Documents... publiés et annotés par A. Scherer et J. Grunewald. Paris, 1962, стр. 343 и след. (цитируется дальше как Шерер и Грюневальд). См. также комментарии Фрица Фишера в: Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1962, стр. 281 и след. Барон Lucius von Stœdten был в это время немецким посланником в Стокгольме.

Энергичным поборником интересов Германии в России был бывший секретарь Витте, некий Кольшко, который стал впоследствии известным журналистом⁴). Он был женат на немке и у него были прогерманские взгляды, хотя внешне он выступал как русский патриот. Через свою жену, которая жила в Стокгольме, он поддерживал близкие связи со шведским банкиром, работавшим для Вильгельмштрассе. (В документах германского министерства иностранных дел это лицо называется «директор Бокельман»). Кольшко имел связь также с крупным промышленником Гуго Стиннесом.

Кольшко обсуждал с немцами различные проекты, как, например, покупку какой-нибудь русской газеты с целью распространения идей сепаратного мира и поддержки антибританских и антифранцузских настроений в России. Из Германии он получал финансовую поддержку и надеялся на вознаграждение после войны, собираясь переселиться в Германию. С согласия немцев он сохранял внешний облик русского патриота и полную свободу действий. В то же время, летом 1916-го года, он доказывал своим германским друзьям, что успехи Брусилова в Галиции в действительности выгодны для Германии, потому что в случае сепаратного мира, для нее будет легче отказаться от восточной Галиции в обмен на балтийские территории⁵).

Одной из излюбленных идей русского премьер-министра Штюрмера и бывшего министра иностранных дел А. Н. Хвостова было также приобретение газеты для правительственных

стороны желательным, перевести все его вклады в Копенгаген или Стокгольм на имя его жены. Даже Мендельсон считал, что такая манипуляция совершенно скомпрометировала бы Витте и потому посоветовал перевести вклады на имя достойного доверия нейтрального лица. Из этого ничего не вышло, т. к. Витте умер через несколько недель — одиноким и разочарованным человеком.

⁴) Иосиф Кольшко писал в газетах «Гражданин» и «Русское Слово» под псевдонимами Серенький и Баян.

⁵) В тайных переговорах с немцами кроме Кольшко в 1916-м году участвовал и кн. Бебутов, бывший член первой Думы, которого хорошо знали в кадетских и масонских кругах, и который до 1916-го года жил в Германии, где он несомненно состоял в связи с разведкой при германском генеральном штабе. В 1916-м году Бебутов появился в Стокгольме и был принят и приглашен на ужин в русском посольстве. В то же время, при помощи своих связей с немецкой военной агентурой, он пробовал сблизиться с немецкими дипломатами в Скандинавии. Но германское министерство иностранных дел не доверяло Бебутову и он имел дело только с посредником «директором Бокельманом», который вел дела также и с Кольшко. После революции Бебутов вернулся в Россию, где Временное правительство посадило его на некоторое время под домашний арест.

целей. В связи с этими журналистическими планами, Кольшко удалось добиться встречи со Штюрмером летом 1916-го года. Хотя беседа и длилась несколько часов и обсуждались общеполитические вопросы, из рапорта Кольшко германской разведке (через «директора Бокельмана») следует, что он был крайне осторожен в разговоре со Штюрмером и что последний, как обычно, оставался сдержанным. Однако позднее Кольшко иначе описывал свое свидание со Штюрмером Стиннесу⁶), необоснованно утверждая, что в этой беседе он будто бы обсуждал со Штюрмером условия мира и получил его согласие на дальнейшее зондирование немецких настроений в отношении сепаратного мира. Нет причин сомневаться в знакомстве Кольшко со Штюрмером и в факте их разговора, но утверждение, будто бы он обсуждал с премьер-министром возможности переговоров о сепаратном мире, не имеет никаких оснований. В том же донесении, в котором описан разговор между Стиннесом и Кольшко, создается впечатление, что Кольшко лгал во всем, когда дело касалось его полномочий на переговоры с немцами. Так, например, когда Стиннес предложил Кольшко совместно написать письмо Штюрмеру, то Кольшко сначала согласился, затем же отказался и пытался уговорить Стиннеса адресовать письмо не Штюрмеру, а главе Канцелярии Манасевичу-Мануйлову⁷), который должен был прибыть в Стокгольм как первое неофициальное, но доверенное лицо для переговоров о сепаратном мире. Мы знаем, что из планов Кольшко ничего не вышло, так как Манасевич-Мануйлов был арестован 16-го августа⁸).

Два месяца спустя возможность начать переговоры о сепаратном мире с Россией казалась Бетман-Гольвегу

⁶) Шерер и Грюневальд, стр. 371 и след.

⁷) Манасевич-Мануйлов, бывший агент тайной полиции и темная личность, ведший интриги в окружении Распутина, находился накануне ареста. Выставлять его как главу канцелярии Штюрмера или секретаря — явное преувеличение Кольшко. Манасевич-Мануйлов был советником Штюрмера по вопросам контрразведки. Он был арестован за попытку вымогательства и шантажа. Это событие вызвало небывалую бурю возмущения в русском обществе. Суд начался в декабре 1916 года и был отложен по распоряжению императора, который уступил давлению со стороны начальников Манасевича-Мануйлова по контрразведке, генералов Батюшина и М. Д. Бонч-Бруевича, а также и вмешательству императрицы. Однако, процесс вскрыл отталкивающие методы контрразведки при Батюшине. Процесс был возобновлен в феврале и закончился за несколько дней до революции осуждением Манасевича-Мануйлова и открытием дела против самого Батюшина.

⁸) Шерер и Грюневальд, стр. 371 и след.

еще более отдаленной, чем весной того же года. На заседании прусского совета министров 28-го августа 1916-го года он заявил:

«В марте наша военная ситуация была более выгодной, чем теперь, после крупных неудач Австрии (подразумевается поражение Австрии в Галиции летом 16-го года во время наступления Брусилова). В то время мы еще могли надеяться, что осенью, после взятия Вердена, мы сможем заключить приемлемый мир. В настоящее время военные перспективы значительно ухудшились, в связи с чем пошатнулись и надежды Его Величества на то, что Россия согласится на сепаратный мир, даже в случае восстановления наших военных позиций на востоке»⁹).

Проекты Кольшко не имели никаких результатов, но его безответственные разговоры косвенным образом имели важные последствия. В швейцарской социал-демократической газете «Berner Tagwacht», издававшейся Робертом Гриммом в сотрудничестве с Карлом Радеком, появилась информация из якобы достоверных источников о мирных переговорах между Германией и Россией. Известная речь Милокова в Думе 1-го ноября 1916-го года, в которой он обвиняет правительство Штюрмера и дворцовые круги в подготовке сепаратного мира с Германией, была вызвана этими слухами и сообщением в «Berner Tagwacht». К лету 1916-го года кайзер, будучи недоволен действиями своего правительства, поручает, в одном из писем канцлеру Бетман-Гольвегу предпринять более решительные шаги по проникновению в Россию при содействии «банкиров, евреев и так далее» (sic). В своем ответе¹⁰) Бетман-Гольвег заверяет кайзера, что министерство иностранных дел действовало соответственно его указанию, но что, к сожалению, самая в этом отношении «многообещающая личность» — банкир Дмитрий Рубинштейн — арестован в Петрограде во время еврейского погрома. Однако Бетман-Гольвег не указывает, что заставляет его считать Рубинштейна самой «многообещающей личностью». Действительно, банкир Рубинштейн был в личных и деловых отношениях с доверенной императрицы Вырубовой, с Манасевичем-Мануйловым и с самим Распутиным. Согласно полицейским данным он даже снабжал «старца» его любимым напитком — мадерой¹¹).

⁹) Шерер и Грюневальд, стр. 464.

¹⁰) Шерер и Грюневальд, стр. 435.

¹¹) А. Спиридович в своих воспоминаниях *Les dernières années de la cour de Tzarsoïe Selo. Paris, 1928-29, том II, стр. 419*, сообщает: Дмитрий Львович Рубинштейн получил юридическое образование в Лицее Демидова в Ярославле, был директором банка в Харькове и стал управляющим состояния вел. князя Андрея Владимировича. Это помогло ему стать

После ареста Рубинштейна (по подозрению в противозаконных финансовых комбинациях) немцами были предприняты шаги к сближению с каким-нибудь новым влиятельным лицом.

Летом 1916-го года русская парламентская делегация возвращалась из союзных стран в Петроград. Главой этой делегации был А. Д. Протопопов (позднее вице-председатель Думы), вскоре получивший назначение на пост министра внутренних дел. По пути в Стокгольм, на пароходе, один из пассажиров предложил Протопопову встретиться с крупным немецким промышленником, принадлежавшим к влиятельной банкирской семье Варбургов, для доверительного разговора. Протопопов посоветовался с русским поверенным в делах в Стокгольме. Последний решил, что встреча может оказаться интересной и предложил еще одному члену делегации — князю Олсуфьеву — также принять участие в этом разговоре. Отчет о происшедшем был сделан с русской стороны обоими — Олсуфьевым и Протопоповым. Германское министерство иностранных дел сохранило в архиве отчет Фрица Варбурга.¹²⁾ Все доклады сходятся в том, что вопрос о сепаратном мире не обсуждался, и что с точки зрения немецких интересов, попытка сближения никаких результатов не дала. Однако, несмотря на то, что Протопо-

пов, по возвращении в Петроград, осмотнительно дал своим коллегам по Думе и министерству иностранных дел полный отчет о своем разговоре в Стокгольме, тот факт, что он «вошел в соприкосновение с немцем» был использован против него, как только он был назначен министром внутренних дел. Пошли слухи, что будто бы одной из причин назначения Протопопова на пост министра было его присоединение к якобы существующей прогерманской партии императрицы и его готовность принять сепаратный мир. Хотя германские попытки ослабить решимость России продолжать войну не приносили их дипломатам ничего, кроме разочарования, они все же имели косвенное влияние на политическую ситуацию в России. В широкие общественные круги России проникало достаточно сведений об этих попытках, чтобы придать вероятность слухам, что якобы в высших кругах, при участии «темных сил», подготавливается сепаратный мир. В настоящее время уже нет никаких сомнений в том, что «высшие круги» никогда не поддерживали такого плана. Что же касается «темных сил», то те сомнительные личности, которые пробовали получить влияние при Дворе через Распутина и Вырубову, никогда не выступали в качестве объединенной группы со своей политической программой и никогда не действовали как организованный «черный блок». Во всяком случае в конце 1916-го года и немцы перестали заниматься этим бесперспективным делом.

Различные службы контрразведки в России были прекрасно осведомлены о германских попытках добиться сепаратного мира. Но из тех отрывочных сведений о деятельности этих организаций, которыми мы располагаем, явствует, что в их работе было много путаницы, дублирования, коррупции и несостоятельности. Даже многие успешные операции были подчас вызваны склонностью к своего рода «охоте на ведьм». В начале войны ура-патриотические и шовинистические настроения разжигались пропагандой расовой вражды и клеветой на немцев, которые мол «заняли место евреев в роли кровопийц». Антинемецкая агитация повредила всем русским подданным немецкого происхождения независимо от их положения: коммерсантам и техникам, выходцам из Германии и Австро-Венгрии, помещикам и дворянству Прибалтики, немецким крестьянам-колонистам, из которых самая большая группа жила на Волге с XVIII века и, наконец, тем бесчисленным русским немецкого происхождения, которые совершенно ассимилировались в русском обществе. Все эти группы в большей или меньшей степени подвергались всевозможным обвинениям. Выражения «немецкое засилие» (как намеки на проникновение в экономику России), «несправедливые привиле-

гии» и «тевтонское засилие» склонялись на все лады. Эта агитация против «немецкого засилия» привела к антинемецким погромам, разграблению предприятий и домов, принадлежавших лицам с немецкими фамилиями. Рабочие беспорядки в обеих столицах и других городах принимали антинемецкий и шовинистический характер. От этой антинемецкой кампании пострадали многие дельцы-коммерсанты, которых обвиняли в преднамеренном саботировании военных усилий страны.

Ненцы и австро-венгры, даже уже принявшие русское подданство, теряли свои места и многие ссылались в восточные и северные области. Положение гвардейцев и офицеров армии с немецкими фамилиями, особенно на высоких постах, становилось все труднее. Императорский Двор был местом, где эта кампания была, пожалуй, наименее заметна. Личное покровительство императора гарантировало придворным сановникам защиту против шовинистических нападок. Однако, это имело отрицательное влияние на общественное мнение, которое принимало присутствие немцев, включая министра императорского Двора, графа Фредерика (который на самом деле был не немецкого, а шведского происхождения) за доказательство того, что «немка» (то есть императрица) была во главе пронемецкой партии. Одним из тех, кто особенно активно выступал против «немецкого засилия» был генерал М. Д. Бонч-Бруевич¹³⁾, в свое время арестованный и казненный как немецкого шпиона полковника Мясоедова. Борьба с немецким влиянием в промышленности, превратившаяся в руках контрразведки, с которой Бонч-Бруевич был тесно связан, в своего рода «охоту на ведьм», очень вредила работе промышленности, в том числе даже военной. Например, Бонч-Бруевич систематически преследовал крупную фабрику Зингера, которая создала по всей стране торговую сеть для продажи швейных машин по тогда еще новому принципу покупки в рассрочку. Контрразведка утверждала, будто бы служащие Зингера были в действительности засекреченной немецкой шпионской сетью¹⁴⁾.

¹³⁾ Генерал М. Д. Бонч-Бруевич — брат большевика В. Д. Бонч-Бруевича, уделавшего особое внимание русским сектантам и проводившего в феврале 1917-го года агитацию среди казаков, размещенных в Петрограде. Это никак не отразилось на карьере генерала, которого принимали при Дворе и о котором главнокомандующий северного фронта Рузский был очень высокого мнения. Братья Бонч-Бруевичи оставались в тесном контакте во время всей войны и революции.

¹⁴⁾ См. М. Д. Бонч-Бруевич «Вся власть советам», Москва, 1957, стр. 79, и «Экономическое положение России накануне Октябрьской революции», 2 т., Москва, 1947, т. 1, стр. 460-476.

главным директором частного Коммерческого банка в Петербурге. В Петербурге Рубинштейн жертвовал большие суммы на различные благотворительные цели, был награжден орденом Св. Владимира и произведен в действительные статские советники.

Спиридович предполагает, что Рубинштейн знал Вырубову с 1908-го года и считает, что он начал финансовые операции с ее капиталом еще до 1913-го года. Рубинштейн оказывал финансовую помощь лицам, которых Вырубова ему рекомендовала. В апреле 1914-го года он попросил ее принять сумму в 100 000 рублей на благотворительные нужды. Вырубова приняла деньги и послала Рубинштейну подробный отчет о том, как они были употреблены. Вскоре после этого Распутин познакомился с Рубинштейном и пригласил его к себе. С этого времени Рубинштейн регулярно снабжал Распутина деньгами. Между прочим Рубинштейн оплачивал квартиру Распутина. Будучи начальником дворцовой охраны и находясь в связи с директором полицейского отделения Белецким, Спиридович достоверно знал об этих делах. Спиридович пишет: «Вся финансовая сторона деятельности Распутина тщательно скрывалась от императора и императрицы. Августейшие жители Царского Села продолжали видеть в Распутине молитвенника, занятого исключительно религиозными вопросами». Распутин добился того, что Рубинштейна выпустили из тюрьмы в декабре 1916-го года.

¹²⁾ Шерер и Грюневальд, стр. 392 и след.

Либералы, единственные, от которых можно было ожидать выступления против этой шовинистической кампании и осуждения ни в чем неповинных людей, молчали, за исключением только одного случая, а именно московского погрома в мае 1915-го года, давшего им повод для нападок на правительство. Они молчали, потому что слухи о том, что правительство ведет за спиной народа переговоры о сепаратном мире, а также слухи о немецкой партии при Дворе и о мифическом «черном блоке» ими использовались в борьбе с правительством.

В действительности попытки германского правительства содействовать продвижению переговоров о сепаратном мире, были, как мы уже знаем, безуспешными, и к концу 1916-го года как Вильгельмштрассе, так и политическая секция германского Генерального штаба стали склоняться к второму образу действий — к политике революционизации (*Revolutionisierungspolitik*). Впрочем, эта политика ставки на революцию в России все время велась параллельно с поисками путей к заключению сепаратного мира.

3. Ставка на революцию

Поддержка подрывной деятельности в России, Англии и Франции была частью программы германского верховного командования с самого начала войны. Уже непосредственно перед войной Австро-Венгрия начала поддерживать движения сепаратистов в России, Германия же, в силу близких личных отношений Вильгельма II с Николаем II, должна была проявлять большую предусмотрительность¹⁵⁾. В 1912-ом году Ленин обосновал свой главный штаб в Поронино, на австрийской территории, близ Кракова. Рязанов, один из самых известных теоретиков социал-демократического движения, работал в Вене. Троцкий жил с 1910-го года тоже в Вене, откуда руководил разнообразной журналистической-пропагандной деятельностью в России и за границей. В то же время австрийцы поддерживали украинских сепаратистов, вероятно, как ответ на панславянскую пропаганду, которая велась в русской прессе, особенно в газете «Новое Время».

С развитием военных действий, немецкие учреждения, имевшие целью

политическое разложение противника, переняли агентов, находившихся на австрийской службе. Германские посольства в нейтральных странах постоянно осаждались представителями различных национальностей (националисты финские, польские, украинские и кавказские), а также и революционными интеллигентами всех мастей, желавшими создать комитеты освобождения, публиковать националистическую пропаганду и работать для многочисленных независимых и свободных национальных государств, на возникновение которых при разделе Российской Империи они надеялись.

Сначала среди тех, кто добровольно поддерживал немцев, не было представителей русских революционных партий — ни социал-демократов обеих фракций, ни социалистов-революционеров.

В начале войны полиция Германии не делала различия в отношении к попавшим в Германию иностранцам из враждебной страны, не делала различия между сторонниками и врагами существующего в их стране режима. В отдельных решениях интернировать или выслать того или иного иностранца, или же разрешить ему остаться в Германии под полицейским надзором, не наблюдалось какой-либо общей линии. Некоторые русские революционеры были высланы в Скандинавию, откуда, кто смог, вернулись в Россию. Другие же перешли швейцарскую границу и присоединились к проживавшим там политическим эмигрантам. Некоторые из них, особенно последователи Плеханова, с его оборонческими и просоюзническими взглядами, переехали в Париж, где им даже удалось основать собственную газету «Наше Слово».

Иные, как например, бывший большевицкий депутат Думы Малиновский, который покинул Россию после ухода в отставку в 1913 году (в связи с предъявленным ему обвинением в работе секретным информатором министерства внутренних дел), были как бы интернированы, но потом использовались политическим отделом германского генерального штаба как пропагандисты среди русских военнопленных. Сотрудничество Малиновского с русской полицией еще не было широко известно и он поддерживал связь с Лениным. Ленин прикрывал его и категорически принуждал к молчанию меньшевиков и тех большевиков, которые открыто обвиняли Малиновского¹⁶⁾. Другим же эмигран-

там, тем или иным образом связанным с лицами, имеющими политическое влияние в Австрии или в Германии, было разрешено оставаться в стране, находясь под полицейским надзором. Ленин был арестован в начале войны в Поронино. Его сотрудник Фюрстенберг-Ганецкий обратился к главе австрийских социалистов Виктору Адлеру, который заступился за Ленина перед австрийскими властями. Адлер указывал на то, что ленинская антимонархическая установка может оказаться полезной в ближайшем будущем. Через 14 дней после ареста, Адлер добился освобождения Ленина. Ленин, его жена Крупская, его ближайший в то время помощник Зиновьев получили разрешение выехать в Швейцарию в сентябре 1914 года¹⁷⁾.

Ленин и его группа прибыли в Швейцарию почти без денег и без необходимых документов. Но у Ленина были друзья, которые познакомили его со швейцарским социалистом немецкого происхождения Карлом Моором, членом бернского Верховного совета и бывшим издателем социалистической «Бернер Тагвахт». Карл Моор родился в Швейцарии в 1853 году. Он создал себе имя в швейцарском социалистическом движении. Одновременно он работал в австрийском и германском генеральных штабах как информатор о социалистическом движении в Швейцарии. Моор был хитрым и осторожным человеком. Его контакты были очень тщательно засекречены. Он способствовал опубликованию „Under Western Eyes“¹⁸⁾, помогал эмигрантам-социалистам в их делах с полицией и местными властями, а также поддерживал их материально. В особенно дружеских отношениях он был с большевиком, доктором Григорием Шкловским, а также с меньшевицким лидером Павлом Аксельродом. Карл Моор устроил Ленину право на жительство в Швейцарии и очевидно поддерживал с ним деловые отношения при посредстве Шкловского¹⁹⁾.

В Швейцарии Ленин оказался в окружении небольшой группы своих сторонников. Так как с началом войны прекратилось почтовое сообщение с Россией, Ленин не мог поддерживать контакта со своими привержен-

¹⁷⁾ Olga H. Gankin and H. H. Fisher. The Bolsheviks and the World War. Stanford University Press, 1940, стр. 139.

¹⁸⁾ См. произведение Дж. Конрада Under Western Eyes, для ознакомления с атмосферой эмигрантского революционного подполья в Швейцарии.

¹⁹⁾ Существуют два письма Ленина, в которых он напоминает Шкловскому о необходимости попросить этого негодяя Моора вернуть какие-то бумаги. «Негодяй» в этом контексте кажется скорее выражением фамильярности, чем оскорблением (Ленинский сборник XI, 1931, стр. 214, 226).

¹⁵⁾ И все-таки самая злобная антицарская пропаганда публиковалась в Германии непосредственно перед войной. Напр. анонимная, богато иллюстрированная, крупного формата книга «Последний русский самодержец», Берлин, 1913. По свидетельству генерала Спиридовича (т. 2, стр. 28) автор был, небезызвестный, князь Бебутов, уже упоминавшийся выше.

¹⁶⁾ Ленин с Фюрстенбергом-Ганецким и Зиновьевым создали нечто вроде суда чести, который обелил имя Малиновского. О дальнейших действиях Малиновского см. ниже, а также В. Wolfe. Three who made a Revolution. New York, 1938, стр. 550 и след., и «Былое» (издание Бурцева) № 1, новая серия, Париж, 1933, стр. 120 и след.

цами там. Только усилиями Крупской удалось восстановить большую часть ленинских контактов²⁰).

Но разрыв Ленина с «оборонцами» по всей Европе и его неуступчивое поведение по отношению к «центристам», как Каутский в Германии, или к группе образованной вокруг газеты «Наше Слово» в Париже, привели его к изоляции.

В начале войны германское правительство обращало мало внимания на трения и раздоры среди русских политических эмигрантов. Некоторое сближение с этими кругами связано с пропагандой среди военнопленных, число которых после победы над армией Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914-го года быстро увеличилось. Следуя методу австрийцев, немцы поделили пропаганду среди военнопленных на пропаганду среди национальных меньшинств и на пропаганду среди русских подданных вообще. Что касается меньшинств, то наибольшее внимание обращалось на украинцев и финнов. Для русских решено было издавать газету «На чужбине». Для этой цели немцы искали сотрудничества революционно настроенных эмигрантов. Видимо, работа над этой газетой была организована политическим отделом германского генерального штаба; а связи с заграничной поддерживались аккредитованными дипломатическими представителями. В силу указанных обстоятельств германское посольство в Берне начало проявлять интерес к русским эмигрантам-революционерам. Контакты налаживались очень осторожно из-за крайней политической осторожности эмигрантов. Кроме того германские круги по понятным причинам опасались возможности разоблачения эмигрантов в качестве немецких агентов. Многие из согласившихся сотрудничать в газете, в том числе такие люди, как лидер социалистов-революционеров и теоретик аграрного социализма В. Чернов, или превосходный библиограф Рубакин, были уверены, что они действуют независимо и вносят свой вклад в политическое образование несчастных военнопленных, которых царское правительство держало в невежестве²¹).

(Продолжение следует)

²⁰ Работа, проведенная Крупской, стала известной благодаря опубликованию адресных книжек Крупской в «Историческом Архиве», 1959, № 3.

²¹ Н. А. Рубакин, известный в немецких донесениях под псевдонимом «Др. Мартель», написал памфлет против царя, который он хотел опубликовать в Германии для военнопленных, ставя условием, что одновременно памфлет должен выйти по-немецки для немецких солдат. Немецкие военные власти, разумеется, это отклонили. Трудно сказать, кто кого хотел обмануть в этом своеобразном предпринятии. См. архивы немецкого посольства в Берне.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

1917 год^{*}

23-го апреля

Светлые крылья юной нашей свободы обрызганы невинной кровью. Я не знаю, кто стрелял в людей третьего дня на Невском, но кто бы ни были эти люди, — это люди злые и глупые...

Убийство и насилие аргументы деспотизма, это подлые аргументы и бессильные, ибо изнасиловать чужую волю, убить человека не значит, никогда не значит убить идею, доказать неправоту мысли, ошибочность мнения.

Великое счастье свободы не должно быть омрачаемо преступлениями против личности, иначе мы уьем свободу своими же руками...

Способны ли мы понять это?

Если не способны, если не можем отказаться от грубейших насилий над человеком — у нас нет свободы. Это просто слово, которое мы не в силах насытить должным содержанием...

Весьма вероятно, что мои мысли «наивны», я уже говорил, что считаю себя плохим публицистом, но все-таки с упорством, достойным, быть может, лучшего применения, «я буду продолжать свою линию», не смущаясь тем, что «глас» мой «останется «гласом вопиющего в пустыне»; увы! — не безлюдной.

14-го июля

...На всю жизнь останутся в памяти отвратительные картины безумия, охватившего Петроград днем 4-го июля.

Вот, оцетинясь винтовками и пулеметами, мчится, точно бешеная свинья, грузовик автомобиль, тесно набитый разношерстными представителями «революционной армии», среди них стоит встрепанный юноша и орет истерически:

— Социальная революция, товарищи!

Какие-то люди, еще не успевшие потерять разум, безоружные, но спокойные, останавливают гремящее чудовище и разоружают его, выдергивая щетину винтовок. Безоружные солдаты и матросы смешиваются с толпой, исчезают в ней; нелепая телега, опустев, грузно прыгает по избитой, грязной мостовой и тоже исчезает, точно кошмар.

^{*} Из книги: Революция и культура. Статьи за 1917 г., Берлин, издание товарищества И. П. Ладыжникова [без указания года (1921 г.?)], 88 стр.

И ясно, что этот устрашающий выезд к «социальной революции» затеян кем-то наспех, необдуманно, и что — глупость имя силы, которая вытолкнула на улицу вооруженных до зубов людей.

Вдруг где-то щелкает выстрел, и сотни людей судорожно разлетаются во все стороны, гонимые страхом, как сухие листья вихрем, валяются на землю, сбивая с ног друг друга, визжат и кричат.

— Буржуи стреляют!

Стреляли, конечно, не «буржуи», стрелял не страх перед революцией, а страх за революцию. Слишком много у нас этого страха. Он чувствовался всюду — и в руках солдат, лежащих на рогатках пулеметов, и в дрожащих руках рабочих, державших заряженные винтовки и револьверы со взведенными предохранителями, и в напряженном взгляде вытаращенных глаз. Было ясно, что эти люди не верят в свою силу да едва ли и понимают, зачем они вышли на улицу с оружием.

Особенно характерна была картина паники на углу Невского и Литейного часа в четыре вечера. Роты две каких-то солдат и несколько сотен публики смиренно стояли около ресторана Палкина и дальше, к Знаменской площади, и вдруг, точно силою какого-то злого, иронического чародея все эти вооруженные и безоружные люди превратились в оголтелое стадо баранов.

Я не смог уловить, что именно вызвало панику и заставило солдат стрелять в пятый дом от угла Литейного по Невскому, — они начали палить по окнам и колоннам дома не целясь, с лихорадочной торопливостью людей, которые боятся, что вот сейчас у них отнимут ружья. Стреляло человек десять, не более, а остальные, побросав винтовки и знамена на мостовую, начали вместе с публикой ломиться во все двери и окна, выбивая стекла, ломая двери, образуя на тротуаре кучи мяса, обезумевшего от страха.

По мостовой, среди разбросанных винтовок бегала девочка-подросток и кричала:

— Да это свои стреляют, свои же!

Я поставил ее за столб трамвая, она возмущенно сказала:

— Кричите, что свои...

Но все уже исчезли, убежав на Литейный, Владимирский, забившись в проломанные ими щели, а на мостовой валяются винтовки, шляпы, фуражки, и грязные торцы покрыты красными полотнищами знамен.

Я не впервые видел панику тол-

пы, это всегда противно, но — никогда не испытывал я такого удручающего, убийственного впечатления. Вот это и есть тот самый «свободный», русский народ, который за час перед тем, как испугаться самого себя, «отрекался от старого мира» и отрясал «его прах» с ног своих? Это солдаты революционной армии разбежались от своих же пуль, побросав винтовки и прижимаясь к тротуару?..

20-го июля

...В одной из грязненьких уличных газет некто напечатал свои впечатления от поездки в Царское Село. В малограмотной статейке, предназначенной на потеху улицы и рассказывающей о том, как Николай Романов пилит дрова, как его дочери работают в огороде, — есть такое место:

Матрос подвозит в качалке Александру Федоровну. Она похудевшая, осунувшаяся, во всем черном. Медленно с помощью дочерей выходит из качалки и идет, сильно прихрамывая на левую ногу...

— Вишь, заболела — замечает кто-то из толпы: — Обезножила...

— Гришку бы ей сюда, — хихикает кто-то в толпе: — Живо бы поздоровела.

Звучит оглушительный хохот.

Хохотать над больным и несчастным человеком — кто бы он ни был — занятие хамское и подленькое. Хохочут русские люди, те самые, которые пять месяцев тому назад относились к Романовым со страхом и трепетом...

18-го октября

...Все настойчивее распространяются слухи о том, что 20-го октября предстоит «выступление большевиков» — иными словами: могут быть повторены отвратительные сцены 3-5 июля. Значит — снова грузовые автомобили, тесно набитые людьми с винтовками и револьверами в дрожащих от страха руках, и эти винтовки будут стрелять в стекла магазинов, в людей — куда попало! Будут стрелять только потому, что люди, вооруженные ими, захотят убить свой страх. Вспыхнут и начнут чахнуть, отравляя злобой, ненавистью, мстостью, все темные инстинкты толпы, раздраженной разрухою жизни, ложью и грязью политики — люди будут убивать друг друга, не умея уничтожить своей звериной глупости.

На улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут «творить историю русской революции».

Одним словом — повторится та кровавая, бессмысленная бойня, которая

подорвала во всей стране моральное значение революции, пошатнула ее культурный смысл.

Весьма вероятно, что на сей раз события примут еще более кровавый и погромный характер, нанесут еще более тяжкий удар революции.

Кому и для чего нужно все это? Центральный комитет с.-д. большевиков, очевидно, не принимает участия в предполагаемой аванюре, ибо до сего дня он ничем не подтвердил слухов о предстоящем выступлении, хотя и не опровергает их.

Уместно спросить: неужели есть авантюристы, которые, видя упадок революционной энергии сознательной части пролетариата, думают возбудить эту энергию путем обильного кровопускания?..

...Центральный комитет большевиков обязан опровергнуть слухи о выступлении 20-го, он должен сделать это, если он действительно является сильным и свободным действующим политическим органом, способным управлять массами, а не безвольной игрушкой настроений одичавшей толпы, не орудием в руках бесстыднейших авантюристов или обезумевших фанатиков.

7-го ноября

Министры-социалисты, выпущенные из Петропавловской крепости Лениным и Троцким, разъехались по домам, оставив своих товарищей М. В. Бернацкого, А. И. Коновалова, М. И. Терещенко и других во власти людей, не имеющих никакого представления о свободе личности, о правах человека.

Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия.

Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся, якобы по пути к «социальной революции» — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции.

На этом пути Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления, вроде бойни под Петербургом, разгрома Москвы, уничтожения свободы слова, бессмысленных арестов...

...за Лениным идет довольно значительная — пока — часть рабочих, но я верю, что разум рабочего класса, его сознание своих исторических задач скоро откроет пролетариату глаза на всю несбыточность обещаний Ленина, на всю глубину его безумия и его Нечаевско-Бакунинский анархизм.

Рабочий класс должен знать, что Ленин на его шкуре, на его кро-

ви производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть, — что из этого выйдет?

Конечно, он не верит в возможность победы пролетариата в России при данных условиях, но, может быть, он надеется на чудо.

Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею — не менее кровавая и мрачная реакция.

Вот куда ведет пролетариат его сегодняшний вождь, и надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата.

Рабочие не должны позволять авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетариата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам-же пролетариат... Почему Бернацкий, Коновалов и другие члены коалиционного правительства сидят в крепости, — разве они в чем-то преступнее своих товарищей социалистов, освобожденных Лениным?

Единственным честным ответом на эти вопросы должно быть немедленное требование освободить министров и других безвинно арестованных, а также восстановить свободу слова во всей ее полноте.

Затем разумные элементы демократии должны сделать дальнейшие выводы, — должны решить, по пути ли им с заговорщиками и анархистами Нечаевского типа?

Владимир Ленин вводит в России социалистический строй по методу Нечаева — «на всех парах через болото».

И Ленин, и Троцкий, и все другие, кто сопровождает их к гибели в трясине действительности, очевидно убеждены вместе с Нечаевым, что «правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно», и вот они хладнокровно бесчестят революцию, бесчестят рабочий класс, заставляя его устраивать кровавые бойни, понукая к погромам, к арестам ни в чем неповинных людей, вроде А. В. Карташова, М. В. Бернацкого, А. И. Коновалова и других.

Заставив пролетариат согласиться на уничтожение свободы печати, Ленин и приспешники его узаконили этим для врагов демократии право зажимать ей рот; грозя голодом и погромами всем, кто не согласен с деспотизмом Ленина-Троцкого, эти «вожди» оправдывают деспотизм власти, против которого так мучитель-

но долго боролись все лучшие силы страны.

«Послушание школьников и дурачков», идущих вместе за Лениным и Троцким, «достигло высшей черты», — ругая своих вождей заглазно, то уходя от них, то снова присоединяясь к ним, школьники и дурачки, в конце концов, покорно служат воле догматиков и все более возбуждают в наиболее темной массе солдат и рабочих несбыточные надежды на беспечальное житье.

Вообразив себя Наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России — русский народ заплатит за это озерами крови.

Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы; двадцать пять лет он стоял в первых рядах борцов за торжество социализма, он является одною из наиболее крупных и ярких фигур международной социал-демократии; человек талантливый, он обладает всеми свойствами «вождей», а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс...

...Он считает себя вправе проделывать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу.

Измученный и разоренный войною народ уже заплатил за этот опыт тысячами жизней и принужден будет заплатить десятками тысяч, что надолго обезглавит его.

Эта неизбежная трагедия не смущает Ленина, раба догмы, и его приспешников — его рабов. Жизнь, во всей ее сложности, неведома Ленину, он не знает народной массы, не жил с ней, но он — по книжкам узнал, чем можно поднять эту массу на дыбы, чем всего легче разъярить ее инстинкты. Рабочий класс для лениных то же, что для металлиста руда. Возможно ли — при всех данных условиях — отлить из этой руды социалистическое государство? Повидимому — невозможно; однако — отчего не попробовать? Чем рискует Ленин, если опыт не удастся?

Он работает как химик, в лаборатории, с тою разницей, что химик пользуется мертвой материей, но его работа дает ценный для жизни результат, а Ленин работает над живым материалом и ведет к гибели революции. Сознательные рабочие, идущие за Лениным, должны понять, что с русским рабочим классом проделывается безжалостный опыт, который уничтожит лучшие силы рабочих и надолго остановит нормальное развитие русской революции...

11-го ноября

Горло печати не надолго зажато «новой» властью, которая так позорно пользуется старыми приемами удушения свободы слова. Скоро газеты снова заговорят, и конечно они должны будут сказать все, что необхо-

димо знать всем нам в стыд и в поучение наше...

...Я хотел бы сказать:

— Будьте человечнее в эти дни всеобщего озверения! Но я знаю, что нет сердца, которое приняло бы эти слова. Ну, так будем хоть более тактичными и сдержанными, выражая свои мысли и ощущения; не надо забывать, что — в конце концов, — народ учится у нас злости и ненависти...

12-го ноября

Меня уже упрекают в том, что «после двадцатилетнего служения демократии» я «снял маску» и изменил же своему народу.

Г. г. большевики имеют законное право определять мое поведение так, как им угодно, но я должен напомнить этим господам, что превосходные душевные качества русского народа никогда не ослепляли меня, я не преклонял колен пред демократией, и она не является для меня чем-то настолько священным, что совершенно недоступно критике и осуждению.

В 1911 году, в статье о «Писателях-самоучках» я говорил: «Мерзости надо обличать, и если наш мужик — зверь, надо сказать это, а если рабочий говорит: Я пролетарий! — тем же отвратительным тоном человека касты, каким дворянин говорит: Я дворянин! — надо этого рабочего нещадно осмеять».

Теперь, когда известная честь рабочей массы, возбужденная обезумевшими владыками ее воли, проявляет дух и приемы касты, действуя насильем и террором, — тем насильем, против которого так мужественно и длительно боролись ее лучшие вожди, ее сознательные товарищи, — теперь я, разумеется, не могу идти в рядах этой части рабочего класса...

...Лишение свободы печати — физическое насилие, и это недостойно демократии.

Держать в тюрьме старика революционера Бурцева, человека, который нанес монархии немало мощных ударов, держать его в тюрьме только за то, что он увлекается своей ролью ассенизатора политических партий — это позор для демократии. Держать в тюрьме таких честных людей, как А. В. Карташов, таких талантливых работников, как М. В. Бернацкий, и культурных деятелей, каков А. И. Коновалов, не мало сделавший доброго для своих рабочих, — это позорно для демократии.

Пугать террором и погромами людей, которые не желают участвовать в бешеной пляске г. Троцкого над развалинами России — это позорно и преступно.

Все это ненужно и только усилит ненависть к рабочему классу. Он должен будет заплатить за ошибки и преступления своих вождей — тысячами жизней, потоками крови.

(Продолжение следует)

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ВЕНГЕРСКОГО ВОССТАНИЯ

«Мы узнали, что многие советские солдаты перешли в ряды венгров и сражались на их стороне против советов, — ничто не может больше заклеить поведение Запада, как тот факт, что единственными иностранцами-добровольцами в рядах венгерских бойцов за свободу явились эти русские солдаты Советской армии. Сальвадор де Мадариага.»

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА В ЖЕНЕВЕ

16-го октября, в Женеве (Швейцария), состоялось празднование столетия со дня освящения Крестовоздвиженского православного русского храма. Храм этот был заложен 26-го сентября 1863 г. на участке, подаренном для этой цели русской православной общине городом Женевой.

На месте этого участка когда-то был монастырь св. Виктора, одним из настоятелей которого был воспетый Жуковским «Шильонский узник».

Освящение храма состоялось 14-го сентября 1866 г. Построен был храм и снабжен богатой утварью исключительно на пожертвования частных лиц, без каких бы то ни было правительственных субсидий.

Торжественное богослужение по поводу столетия храма совершили 16-го октября архиепископы: Женевский и Западно-Европейский Антоний, Берлинский и Германский Александр и, специально прибывший из Америки, архиепископ Монреальский и Канадский Виталий, и епископы: Феофил (румынский) и Гаагский и Голландский Иаков, в сослужении многочисленного духовенства из Швейцарии и Франции. К молебну прибыли представители государственных и городских властей, а также и представители инославных церквей. Молебен совершался на церковнославянском и на французском языках.

Этот храм (кафедральный храм архиепископа Женевского и Западно-Европейского) является одной из архитектурных достопримечательностей Женевы. Он стоит на горе, его золотые главы видны издалека, за 20 километров. Между прочими достопримечательностями храма, справа от входа, хранятся в витринах два серебряных венка, присланные из России в 1899 г. Первый из них, пере-

*) Известный испанский писатель, мыслитель и дипломат, представлявший Испанию в Лиге Наций с 1931 по 1936 год. После окончания гражданской войны, Сальвадор де Мадариага стал политическим эмигрантом. В настоящее время он живет в Оксфорде, где читает лекции в университете.

витый георгиевской орденой лентой, — в память перехода Суворова через Альпы в 1798 г., а второй — по случаю открытия в 1899 г. памятника Суворову и его армии в Шелленене, у знаменитого «Чортова моста».

К юбилею храма церковный хор под упр. В. Дьякова выпустил превосходно исполненную граммофонную пластинку с церковными песнопениями (фабрикация швейцарской фирмы: BVM, ST. 2191). И. Г.

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ «РУССКО-АМЕРИКАНСКОГО СОЮЗА ЗЕМСТВ И ПОМОЩИ РУССКИМ ВНЕ РОССИИ»

Насильственная репатриация русских военнопленных из лагеря в форте Дикс в штате Нью-Джерси осенью 1945 года вызвала в свое время большое возмущение. Как известно, военнопленные забаррикадировались в бараке и, видя безнадежность своего положения, подожгли здание, предпочитая смерть возвращению на родину. Огонь был потушен, отчаянное сопротивление сломлено. Трое военнопленных покончили с собой. Остальные доставлены в гавань и погружены на советский пароход.

Группа русских американцев, возглавляемая покойными ныне архиепископом Виталием, Н. Ф. Фаленбергом, Н. П. Рыбаковым и ныне здравствующим князем С. С. Белосельским организовали Особый комитет по защите прав русских, находящихся вне России.

Новая организация в кратчайший срок получила всеобщее признание русских американцев и русских общественных организаций в США. В короткое время были открыты три филиала: в Сан-Франциско, Вашингтоне и Лейквуде. Были предприняты энергичные шаги к прекращению насильственной репатриации.

Впоследствии общество было переименовано в «Американско-русский союз помощи».

В данное время при обществе работает 6 домов для престарелых, организована — с центром в Лейквуде — «Патриотическая Организация Русских Разведчиков» с лагерем на сто человек. Основан «Дом Свободной России» в Нью-Йорке, в котором работают: Культурно-просветительный комитет, Дамский комитет, Бюро труда и Квартирное бюро. Там же помещается «Музей русской конницы». Музей общества «Родина» открыт в Лейквуде. За истекшие 20 лет общество помогло огромному числу русских найти работу, квартиру, оказало юридическую помощь и материальную поддержку нуждающимся.

С. О.

**НЕ ЗАБУДЬТЕ
ВОЗОБНОВИТЬ ПОДПИСКУ
НА «ЗАРУБЕЖЬЕ»!**

А. Позов: *Основы древне-церковной антропологии*. Мадрид, 1965, 8°, 421 стр. — Автор — не профессиональный богослов, а врач, доктор медицины, свободное от практики время посвящающий изучению религиозно-философских и религиозно-психологических проблем. Основной руководящей нитью его труда является убеждение, что «основные положения древне-церковной антропологии могут послужить не только стимулом к развитию научной психологии, до сих пор не имеющей точных и определенных понятий и концептов для многообразных проявлений душевной жизни, но могут дать и онтическую и метафизическую основу, которой в ней не хватает» (Вступление, стр. 12). Автор обнаруживает обширное знакомство не только со святоотеческой и аскетической литературой, но и с писаниями древних философов и врачей, а также и новейших психологов, биологов и философов, не ограничиваясь только рамками христианства, но делая экскурсы и в другие религии, как напр., индуизм, браманизм, Лао-Цзе и др. Однако он прочно базируется на христианском мировоззрении. Труд отличается богатейшим подбором выписок и текстов. Книга читается с большим интересом, но предполагает хорошо подготовленного читателя, знакомого с философской и богословской терминологией. И. Г.

ГРАММОФОННЫЕ ПЛАСТИНКИ С ЦЕРКОВНЫМ ПЕНИЕМ

Один из наших читателей выразил пожелание, чтобы были указаны все имеющиеся в продаже граммофонные пластинки с русским церковным пением, предполагая, что их имеется не очень много. Однако, исполнить это желание на столбцах «Зарубежья» не представляется возможным, т. к. таких пластинок известно уже более 150-и. Подробное описание их имеется на немецком языке; оно постоянно дополняется описанием как вновь вышедших пластинок, так и обнаруживаемого антиквариата. Отсылаем читателя к указанному критическому обзору пластинок с русским церковным пением: Johann v. Gardner. *Diskographie des russischen Kirchengesangs. „Ostkirchliche Studien“*. 87 Würzburg. Steinbachtal 2a. Bundesrepublik Deutschland. До сих пор вышло 5 частей: 1-я ч.: 1960, вып. 9; 2-я ч.: 1961, вып. 10; 3-я ч.: 1963 вып. 12; 4-я ч.: 1964, вып. 13 и 5-я ч.: 1966, вып. 15. Готовится к выпуску 6-я часть, содержащая обзор дальнейших 25-30 пластинок этого рода. При описании пластинок приводятся данные о напевавшем пластинку хоре, его регенте, а также данные о некоторых композиторах, чьи вещи помещены на разбираемой пластинке, не говоря уже о названии пластинок, фирме ее выпускающей и номере выпуска.

А. Ж.

Юрий Мишалов

КНИГА О «ГОСУДАРСТВЕННОМ КРЕПОСТНОМ ПРАВЕ»

В Германии, в Мюнхене, вышла на немецком языке книга Т. К. Чугунова «Государственное крепостное право»*).

Это объективное, научное исследование системы «социалистического сельского хозяйства», подтвержденное официальными документами, статистическими данными, законами и указами страны и богато иллюстрированное фактами из литературных источников, опубликованных в Советском Союзе. Достаточно сказать, что в книге приведено более 200 ссылок на официальные источники.

Эта книга может стать настольным справочником для всех тех, кто хочет разобраться в истинном положении сельского хозяйства в СССР.

Неопровержимые доказательства крепостнического характера колхозной системы, именно крепостного состояния колхозников, в книге всесторонне обоснованы и документально подтверждены.

Книга резонно начинается с того красочного изображения райской жизни, которое дал в середине XIX столетия Чернышевский в романе «Что делать?». Писатель нарисовал рай, который должен был быть осуществлен в земельных коммунах будущего в России. Все последующие главы книги Т. Чугунова посвящены той мрачной действительности, которая получилась при осуществлении этой утопии в СССР.

Я не думаю пересказывать содержание книги: это невозможно. Ее нужно прочесть. Остановлюсь только на некоторых вопросах, рассмотренных в книге.

Основу государственного крепостничества автор справедливо усматривает в национализации (огосударствлении) всей земли в 1917 году, в том числе крестьянско-казацких земель, которые составляли большую часть всей площади сельскохозяйственных угодий в России (59%). Только юридически обезземелив всех собственников, став монопольным хозяином земель и недр, правящая коммунистическая партия смогла позднее и фактически отобрать уже ранее национализированную земельную собственность у ее бывших хозяев-крестьян.

Вне сомнения, что уничтожение права собственности на землю привело к потере крестьянами и личных прав, прежде всего, права свободного труда. Став монопольным хо-

*) Т. К. Czugunow. Die staatliche Leibeigenschaft. Analyse des sozialistischen Landwirtschaftssystem. Bergstadtverlag W. G. Korn, München, 1964, 192 стр.

занием земли, скота, инвентаря, коммунистическое правительство превратилось в хозяина самих людей, обрабатывающих государственную землю. Фактически это привело к прикреплению земледельцев к колхозу, к превращению их в людей, всецело зависящих от хозяина-государства, в государственных крепостных.

В книге обоснованно опровергается коммунистическая теория о двух формах собственности: о государственной и колхозно-кооперативной. Никакой колхозно-кооперативной собственности в СССР нет. Земля — главное достояние колхозов — принадлежит государству по конституции, колхоз управляется приказчиком власти, который назначается партийными органами и «рекомендуется» колхозникам. Председатель колхоза — это государственный приказчик на твердой заработной плате. Государство распоряжается в колхозе всем, в том числе владеет и всей его продукцией.

В то же время материальную ответственность за действия коммунистического аппарата несут колхозники.

Совершенно верно автор классифицирует советское сельское хозяйство по характеру человеческого труда в нем. Он делит его на: 1. Совхозы капиталистического типа с вольнонаемным трудом. 2. Совхозы с частичным или полным применением крепостного, принудительного труда (на целине, в отдаленных местностях, в хозяйствах мест заключения). 3. Колхозы с типичным применением крепостного труда прикрепленных колхозников.

В книге иллюстрируется разница в положении людей в колхозе: в пище, одежде, жилье, оплате, труде и пр. и сравнивается с положением крепостных в дворянском крепостном хозяйстве. Приводятся убийственные доказательства нищенского положения советских колхозников. Даже в жестокие времена 16-17 веков в России, бежавшие от голода крепостные крестьяне объявлялись свободными. А сейчас, в XX столетии, в СССР закрепленные за колхозами коммунистические крепостные за свой тяжелый труд не получают даже марксова минимума оплаты, который смог бы восстановить потраченные силы работника.

Мизерный приусадебный участок и тот приносит больше пользы государству, чем колхознику. С него берут денежный налог, всякие поставки, из-за него контрактуют молодняк скота у колхозников, покупая его по бросовым, «заготовительным» ценам. Государство от перепродажи продуктов с приусадебных участков колхозников получает больше барыша, чем стоимость оплаты труда в деньгах во всех колхозах страны.

Немалая беда в том, что нормы труда в колхозах введены макси-

мальные, а не средние, как во всем мире. Женщины и физически слабые мужчины не в состоянии их выполнить. А колхозная барщина тяжела. На каждого колхозника в среднем для обработки приходится 15 гектаров сельскохозяйственных угодий и для ухода — 8 голов скота.

По статистическим данным ежегодные доходы всех колхозов в среднем за 10 лет (1953-1962 г.г.) составили 9,3 млрд. рублей, из которых только треть может стать оплатой труда, то есть 3,1 млрд. рублей. На каждого из 34 миллионов человек, работавших эти годы в колхозах, в среднем приходится меньше 8 рублей в месяц.

На 6 колхозников приходится один надсмотрщик.

Разъяснил автор и понятие «световой день». Это 12-18-часовой рабочий день в колхозе «от зари до зари» и отсутствие выходных дней с марта по октябрь. «Добровольность» коллективизации тоже расшифрована. С начала революции, за 12 лет, при помощи и содействии властей добровольно коллективизировано только 1,6% крестьянских дворов.

В книге доказано, что колхозное хозяйство переживает постоянный кризис, находится в состоянии упадка. Но правительство не распускает колхозы.

Отбирая всю продукцию по очень дешевым ценам, коммунистическое правительство продает ее по дорогим и получает на этом колоссальные барыши, так как заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты на много ниже продажных цен. Торговля в СССР — это недоплата производителю и переплата потребителю. К примеру, за 100 кг пшеницы государство платило колхозу 6 рублей, а один килограмм пшеничного хлеба в государственной лавке продавался по 1 р. 50 коп., 2 руб. 70 коп. и по 5 руб. 10 коп., т. е. в 25-85 раз дороже покупной цены. За один килограмм капусты платили колхозу полторы копейки, а продавали по 42, или в 28 раз дороже.

Только в крепостных колхозах возможны такие уродливые явления, как «продажа» продуктов себе в убыток, или, когда за перевозку продуктов к приемному пункту колхоз платит больше, чем получает за продукт.

Но КПСС — действительный хозяин земли и колхозов — от всей этой «купли-продажи» убытков не терпит. Наоборот, получает колоссальные барыши и от разницы продажных и заготовительных цен, и от «налога с оборота» (около 60% цены товара), собираемого с торговых точек и идущего в бюджет под видом «прибыли».

Все убытки несут колхозники. И их отношение к крепостному труду является главной причиной, вызывающей перманентный кризис колхозного хозяйства. Этот кризис поставил под угрозу самое главное для комму-

нистической власти — поставки хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, от перепродажи которых власть получает чудовищные сверхприбыли. *Упадок коллективизированного сельского хозяйства автор книги установил во всех коммунистических государствах: и в Европе, и в Азии, и в Америке (Куба).*

Продуктивность колхозного хозяйства СССР, вооруженного миллионами тракторов, сотнями тысяч комбайнов, многомиллиардной техникой, — ниже продуктивности того же хозяйства в 1922-1928 г.г., вооруженного плугом и лошадкой, но частнособственнического.

Не поможет ему и применение химических удобрений и мелиорация, не поможет никакая агротехника. Дело не в технике, а в людях.

Дорого обошелся населению СССР коммунистический эксперимент, но особенно дорого заплатили за него крестьяне.

ORBIS SCRIPTUS. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. Herausgegeben von Dietrich Gerhardt, Wiktor Weintraub, Hans-Jürgen zum Winkel; München, Wilhelm Fink Verlag, 1966, 987 стр.

Это уже второй сборник в честь нашего маститого зарубежного ученого, профессора Дмитрия Ивановича Чижевского.

Первый был выпущен берлинским славистом Максом Фасмером в связи с 60-летием Чижевского (Festschrift für Dmytro Čyžewskyj zum 60. Geburtstage am 23. März 1954. Berlin, 1954, 306 стр.).

В начале рецензируемого сборника (стр. 35-48) помещена библиография трудов Чижевского за 1954-1965 г.г., составленная Г.-Ю. цум Винкелем. (Библиография с 1912 по 1954 год, составленная проф. Д. Герхардтом, была помещена в предыдущем сборнике — стр. 1-34).

В сборнике приняли участие ученые слависты и историки из многих стран, в том числе и из целого ряда стран восточной Европы. Так, например, из Чехословакии — 10 авторов, из Польши — 5, из Югославии — 5, из восточной Германии — 2 и из Венгрии — 1. Из Советского Союза, Болгарии и Румынии ни один ученый в сборнике участия не принял. Таким образом соотечественники Чижевского представлены лишь статьями некоторых наших ученых, проживающих в эмиграции. Вот их список в алфавитном порядке: Георгий Вернадский, Владимир Марков, Омелян Притсак, Ярослав Рудницкий, Александр Соловьев, Федор Степун, К. Ф. Тарановский, Борис Унбегаун, А. В. Флоровский, Георгий Флоровский, Юрий Шевелёв, Игорь Шевченко, Зоя Юрьева и Роман Якобсон.

Палеография древнерусской нотации

В 1963 г. Баварская академия наук издала работу мюнхенских ученых Ивана Алексеевича Гарднера и Эрвина Кошмидера под заглавием *Ein handschriftliches Lehrbuch der altrussischen Neumenschrift* (рукописный учебник древнерусской безлинейной нотации), часть I, текст, XXIX + 330 стр.

В этом году вышла часть II этой работы — комментарии к системе певческих знаков (59 стр. и 2 таблицы — репродукции певческой рукописи XVII в., хранящейся в Баварской государственной библиотеке).

Уже первая часть вызвала настолько большой интерес в международном музыковедческом мире, что издание быстро разошлось.

Первая часть содержит объяснения музыкального характера, то есть того, как исполняется каждый знак. Эти объяснения строго придерживаются учения русских теоретиков XVII века. Благодаря этому можно с одной стороны увидеть разницу между синодальными квадратнотными изданиями и тем, как передавал бы те же мелодии крупнейший теоретик XVII века Александр Мезенцев; с другой стороны мы получаем довольно верную картину исполнения русской церковной музыки в XVII веке.

Все известные до сих пор работы о древнерусской нотации касаются так называемой столбовой нотации периода после ее реформы в 1668 г. В рецензируемой работе исследуется та же нотация, но дореформенного периода.

Если и нельзя утверждать, что музыка звучала тогда так, как ее теперь нотирует Гарднер (известно, что между нотной записью и ее исполнением громадная разница, обуславливаемая традицией и качеством певцов), все же его метод приводит нас гораздо ближе к старой музыке, чем это могут сделать записи в квадратнотных книгах. Квадратнотные синодальные издания в конечном итоге отражают музыкальную традицию XIX века.

Только что вышедшая вторая часть содержит историко-палеографический и музыковедчески-сравнительный комментарий. Каждый знак разносторонне объясняется: высота, продолжительность звука, функция знака, динамика и голосоведение, а также история палеографических форм знака. Особенно ценно, что, где возможно, проводится сравнение с соответствующими знаками византийской музыки.

Исследования Гарднера и Кошмидера раскрыли и показали певческую традицию XVII века.

В области исследования древнерусского певческого искусства имеется два направления: школа Веллеса, особенно представленная в Америке, и мюнхенская школа. Метод мюнхенцев заключается в том, что исследование идет от позднейших форм нотаций (легко читаемых) к еще не расшифрованным более древним, в то время как школа Веллеса пытается расшифровать древнейшие формы русской нотации при помощи расшифровки древневизантийской нотации, предполагая, что обе эти нотации идентичны.

Гарднер заслуженно считается сегодня самым крупным знатоком русской церковной музыки. И поэтому мы с большим интересом ожидаем появления в свет третьей части работы — комментарий к системе певцов.

Остается лишь выразить благодарность профессору Эрвину Кошмидеру, члену Баварской академии наук, по инициативе которого были начаты и проводятся упомянутые исследования, и благодаря стараниям которого рецензируемая работа смогла увидеть свет.

Иеромонах Ириней

ХРОНИКА

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

■ В Париже в театре Сен-Мартен был устроен показательный вечер балетной школы Нины Тихоновой. Вечер состоял из отдельных номеров и балета «Рю де Бак», скомпозированного самой Н. Тихоновой. Вечер прошел с большим успехом. В переполненном зале присутствовал и Сергей Лифарь, приехавший для этой цели из Канн, где он постоянно живет.

■ Профессор Сорбонны по кафедре хореологии Сергей Лифарь прочел по случаю балетного фестиваля в Брегенце (Австрия) доклад на тему «Развитие балета в течение столетий и его связь с жизнью». Докладчик подробно остановился на т.н. академическом балете 18 и 19 столетий, и сравнил его с современным балетом. Интересна была оценка Фокина, освободившего балет от традиционного шаблона.

Понятие «стиль балета» воспринимается Лифарем как перевоплощение естественных форм в искусство. Стиль создается людьми и является характерным отражением отдельных эпох. Балет — сплетение трех элементов: танца, действия и эмоции. . . С. Лифарь описал развитие танца от его примитивных, вакхических, инстинктивных и имитативных истоков, через одухотворенные танцы Древней Греции и Рима до средневековья. Затем он остановился на периоде придворных балетов, находившихся под влиянием *Comedie dell'arte* и фольклора, и закончил, овеянный духом эстетики, эпохой романтизма 19 столетия. Эпохой блестящего расцвета так назы-

ваемого классического балета и арабески. Особое внимание С. Лифарь уделил русскому балету и его непревзойденному представителю, знаменитому парижскому «*Ballet Russe*» Дягилева.

■ Новым директором балета Венской оперы назначен русский хореограф и балетмейстер В. Орликовский.

■ Страсбургская опера получила нового хореографа Владимира Скурагова.

■ Финляндская национальная опера подготовила под руководством Сергея Лифаря три балета для предстоящего турне по столицам Европы.

■ Труд Сергея Лифаря «История русского балета» премирован Французской академией наук.

■ На балетном фестивале по случаю столетнего юбилея княжества Монако приняла участие балетная группа, составленная балетмейстером и хореографом Марией Безобразовой. В составе группы был и Рудольф Нуреев.

■ В новой, модернизированной инсценировке балета «Копеллия», поставленного в парижской Большой опере, главную мужскую роль исполнял Кирилл Атанасов.

■ На балетном фестивале в Мюнхене (ФРГ) были поставлены два произведения Татьяны Гзовской: «Лабиринт истины» и «Гамлет».

■ Парижская газета «Фигаро» отметила столетие своего существования торжественным спектаклем с участием Рудольфа Нуреева в Парижской опере.

■ Скончавшийся в США художник-декоратор Вадим Чернов оставил своей дочери Людмиле Павловской полный комплект декораций и весь необходимый материал для постановки оперы Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже». Этот ценный художественный материал предлагается какому-либо театру-опере.

■ Хореографическая обработка балета Мариуса Петипа «Дон Кихот», сделанная Н. Нуреевым для Венской оперы, подверглась жесткой критике. Неудачу постановки объясняют перегруженностью Нуреева и недостаточной технической зрелостью венского ансамбля.

■ В начале осеннего сезона, на одной из встреч литературно-художественного кружка в Ницце (Франция), выступили с произведениями Чехова, Льва Толстого и Тэффи бывшие артисты художественного театра В. Греч и П. Павлов.

■ 12-го ноября в Париже в зале Русской консерватории имени С. В. Рахманинова, состоялся большой литературный вечер памяти Анны Ахматовой. С докладами выступали Г. Адамович, Ю. Анненков и В. Вейдле.

■ 2-го декабря в Париже, в зале консерватории имени С. В. Рахманинова, состоялся вечер памяти русского зарубежного поэта А. Гингера. С докладами выступали русские писатели Г. Адамович, Г. Газданов, И. Одоевцева, К. Померанцев, С. Прегель, Ю. Терапиано, К. Терешкович и А. Юлиус.

■ Отрывной календарь Мартянова на 1967 год содержит биографии великих русских людей, стихи, исторические эпизоды, технические информации и т. д. В календаре 730 страниц.

■ В этом году День русской культуры в Сан-Франциско (США) был посвящен памяти двух поэтов — М. Ю. Лермонтова и Анны Ахматовой.

■ Игорь Стравинский и его постоянный сотрудник Роберт Крафт, совместно написали и издали книгу автобиографического характера. Заглавие книги — «Темы и эпизоды».

■ В Мюнхене (ФРГ), в галерее др. Гартмана, открылась выставка русского художника Евгения Габричевского. Судьба этого художника крайне трагична: он жил во Франции и был профессором биологии в Пастеровском институте, в Париже. 30 лет тому назад он заболел шизофренией и с тех пор находится в больнице для нервно-больных в Мюнхене. За эти годы он написал огромное количество совершенно исключительных картин. Работы Габричевского настолько интересны и разнообразны по характеру и стилю, что даже трудно себе представить, что они написаны художником, никогда не видевшим картин Пикассо и других современных художников. Выставка Е. Габричевского в Мюнхене сопровождается циклом лекций доктора Гартмана и посещают ее не только художники и любители живописи, но и врачи психопатологи.

■ В Мюнхене (ФРГ) живет и работает русский художник В. Н. Грехов. Выехав из России после революции, он окончил художественную академию в Берлине и за послевоенные годы создал себе имя в западной Германии. Его картины выставляются на интернациональных выставках и часто премируются.

■ Е. Е. Климов прочел 23 сентября в зале св.-Андреевской школы в Сиракузах (США) доклад на тему «Андрей Рублев и его время». Доклад сопровождался демонстрацией многочисленных диапозитивов.

■ 27-го ноября в русском обществе «Икона» в Париже З. Е. Залеская прочитала доклад на тему «Югославские фрески».

■ В октябре месяце 1966 г. в Каракасе, столице Венесуэлы, открылась выставка трех русских зарубежных художников: Е. М. Андровича, В. П. Нешумова и Л. Т. Тарасова. Это большое событие не только в жизни русских эмигрантов, но и местных знатоков и любителей живописи. Качественно выставка превосходит большинство выставок венесуэльских художников.

■ В зале парижской Русской консерватории им. Рахманинова 28-го октября состоялся концерт молодых русских певцов Светланы Ландезен и Виктора Древина, постоянно проживающих в Мюнхене. В программу были включены романсы и дуэты Чайковского, Рахманинова и других русских композиторов, а кроме того песни и дуэты Брамса и Шумана.

■ Дмитрий Михайлович Авраменко, регент церковного хора храма Св. Иоанна Крестителя в Беркли (США), вошел в соглашение с правлением Русского Центра в Сан-Франциско для организации русского смешанного хора при Р. Ц. Первое организационное собрание хористов состоялось 5-го октября в банкетном зале Русского Центра.

■ 16-го декабря в Париже состоялся духовный концерт хора русской молодежи под упр. известного регента Е. И. Евеца. В программе концерта были произведения Архангельского, Бортиянского, Гарднера, Ипполитова-Иванова, Кастальского, Львова, Римского-Корсакова, Степанова, Соломина, Чеснокова и Яичкова, а также 2 рождественские колядки. Концерт привлек большое внимание публики и имел большой успех.

■ Казачий кружок «Донская пирамида» устроил в Париже, в помещении Союза комбатантов первой мировой войны, концерт-вечер. Чистый доход будет переслан русским монастырям в Святой Земле.

■ Русская пианистка Ирина Энери дала в Ницце (Франция) концерт, на котором присутствовало много русских. В программе были представлены как классики, так и модернисты.

■ Симфонический балалаечный оркестр А. Кутина, состоящий из тридцати музыкантов, дал 14 октября в помещении дома «Родина» в Лейквуде (США) большой концерт. Исполнены были произведения Глинки, Мусоргского, Чайковского, Варламова и других.

■ В ноябре с. г. в зале «Елисейских Полей» в Париже выступил русский композитор и пианист Александр Черепнин (сын композитора Николая Черепнина). Черепнин интерпретировал свой, ставший знаменитым во всем музыкальном мире Запада, 5-ый концерт. Аккомпанировал радио-оркестр Парижа.

■ Русский мужской хор в Сиднее (Австралия), под управлением Вадима Лаптева и Анатолия Коробко, готовится к большому концерту 3-го февраля в помещении Сиднейской консерватории.

■ Радиостанция WNYC (США) передавала 25-го сентября концерт симфонического балалаечного оркестра Кутина.

■ 8-го октября Игорь Стравинский дирижировал в концертном зале Принстонского университета (США) на премьере своего нового произведения «Реквием Канतिकле».

■ 4-го сентября в Брисбене (Австралия) состоялось открытие русского музея, расположенного в прекрасном сосновом парке в двадцати километрах от города. Музей будет посвящен старой императорской России. Сбор экспонатов уже начал.

Музею передано несколько портретов русских императоров, полководцев и других известных людей России. В распоряжении музея имеются также коллекции монет и денежных знаков, ордена, значки военных училищ и высших учебных заведений, фотографии городов, художественные альбомы русских живописцев, много граммофонных пластинок с русской музыкой. В парке предполагается сооружение рельефной карты России, моделей главных характерных зданий, храмов и памятников. В парке будут также поставлены памятники императору Николаю II и Сербскому королю Александру. Устроители музея обращаются ко всем русским людям с призывом помочь музею любой лептой. Здание музея и парк принадлежат Ф.

И. Гопуренко, который передал их музею в полное владение. За справками просят обращаться к Ф. И. Гопуренко в общество «Наука и искусство» в Мельбурне.

■ В Буэнос-Айресе (Аргентина) создается Архив Русской Культуры и Народная Библиотека. Председателем инициативно группы избран профессор С. В. Бурмистров. За справками просят обращаться к секретарю группы Н. А. Чоловскому, издателю журнала «Сеятель», Calle Terrada 2984 BUENOS AIRES.

■ 2-го октября, в помещении Свято-Серафимовского фонда в Нью-Йорке, Н. А. Струве сделал доклад о положении Церкви в Советском Союзе. В своем докладе Н. А. подробно остановился на мужественном поступке двух московских священников Глеба Якунина и Николая Эшлимана, написавших открытое письмо патриарху Алексию.

■ В сентябре в Нью-Йорке Первый отдел РООВа отметил свою 73-ю годовщину. За это время в руководстве Общества сменилось четыре поколения. Сегодня среди членов РООВа много пожилых людей, но несравненно больше молодежи и еще больше — подростков.

■ По данным немецкой газеты «Крист унд Вельт», русский Союз ветеранов в Париже 40 лет тому назад насчитывал более шести тысяч членов. На сегодня их осталось только 600.

■ Стараниями Галины Львовны Котлярской в Аделаиде (Австралия) была устроена русская выставка картин, икон, рукоделий, русских старинных вещей, монет и исторических документов.

■ Французские власти наградили русских заслуженных общественных деятелей во Франции Н. А. Недошвину и доктора Н. С. Долгополова орденами за долготлетнюю самоотверженную социальную работу.

■ Бывшая прима-балерина Московского Большого театра Александра Михайловна Балашова, проживающая в Париже, в этом году отпраздновала 35-летний юбилей своей педагогической деятельности по классу классического балета.

■ В конце октября с. г. русскому ученому Н. М. Зернову присуждена степень доктора богословия в Оксфордском университете в Англии. В Англии степень доктора богословия считается самым высоким академическим отличием.

■ Сотрудница парижской газеты «Русская Мысль», г-жа Нора Лидарлева приглашена французским литературным клубом в Париже прочитать доклад о поэте Поле Верлене. Тема доклада — «Поле Верлен как поэт и человек».

■ Общество «Беседа» в Филадельфии (США) работает над созданием коллекции «Россия в снимках».

■ 18-го ноября 1966 г. в зале Союза русских инженеров в Париже, В. Л. Дроздовским был прочитан доклад на тему «Канада, ее экономика, география и история».

■ В Париже, на рю Пекле, начались лекции по психологии проф. Ильина в сотрудничестве с д-р. А. П. Жаворонковым. Тема очередной лекции «Основа религиозного подхода к психологии».

■ В Париже, в обществе русских химиков, открылся зимний сезон научных засе-

даний. Первый доклад был сделан Г. Веллером на тему «Биосинтез белков».

■ В Национальной Организации Витязей (НОВ) в Париже, происходит еженедельные общеобразовательные собрания для русской молодежи. Доклады читаются специалистами по различным вопросам. Следующие доклады предусмотрены на темы: «Разделение церквей и единство церкви», «Русская церковная архитектура», «Конституция и политический строй СССР», «История происхождения русского языка» и т. п.

■ В русском доме для престарелых в Сан-Рафаэле (Франция), был устроен концерт с участием артистов Борман, Молчанова и Берестовской. Исполнялись романсы Глинки, Гречанинова и Рубинштейна.

■ Благотворительное общество Толстовский Фонд сообщает, что русский дом для престарелых в Руане (Франция) открывается 15-го января 1967 г. Записываться следует в Толстовском Фонде в Париже.

Одна из задач «Зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в ее целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего российского рассеяния.

■ В местечке Монжерон недалеко от Парижа находится русский детский дом. В настоящее время там проживают 93 ребенка. Кроме русских детей-сирот, дом приютил 18 югославских и двух французских сирот. В Париже, в доме Шель на рю де Берри, 3-го и 4-го декабря состоялся большой базар в пользу детей Монжеронского дома.

■ В русском доме инвалидов в Грассе (Франция) состоялся музыкальный вечер артистов Марештала, Молчанова, Евстафиевой и Берестовской. Вечер имел большой успех.

■ Касса взаимопомощи при св.-Скорбященском соборе в Сан-Франциско (США) с успехом работает уже несколько лет. За справками просят обращаться к секретарю кассы С. Н. Бондаренко, 1824, Divisadero street.

■ «Литературный фонд» собрал за 1965 год 21.136 долларов. Правление Фонда рассмотрело на заседании 2-го октября поступившие прошения о помощи и ассигновано нужные суммы на их удовлетворение. Новый сбор начался в ноябре.

■ «День русского ребенка» в Австралии был отмечен торжественным концертом 18-го сентября в Мельбурне, в помещении Латышского клуба. Чистый сбор был передан в фонд «Детского центра», который будет в ближайшее время открыт при св.-Петропавловском соборе в Страдфильде.

■ Летний лагерь Аделаидского (Австралия) отряда скаутов (ОРЮР) в этом году состоялся в сосновом лесу на острове Хиндмарш, на озере Александрина.

■ Национальная Организация Витязей во Франции устроила с 21-го декабря по 3-е января зимний спортивный лагерь в Раггале (Австрия). В лагере дети проходят лыжный

курс, а по вечерам занимаются русским языком, русской литературой и историей.

■ Союз православных русских приходов Франции в Париже, устроил 16-го октября с. г. в зале на рю Жербер праздник детской летней колонии. На празднике дети, проводившие каникулы в колонии, демонстрировали русские песни и пляски, подготовленные ими в колонии. Показывался, заснятый в лагере фильм «Один день в летней колонии». Отлично организованный праздник прошел с заслуженным успехом.

■ В Мюнхене (Германия) активную работу с русской молодежью и детьми ведет «Общество содействия образованию русских детей и молодежи». Школьная работа с детьми и молодежью от 6-ти до 18-ти лет началась после летнего перерыва 1-го октября. В двух школах проходят русский язык и литературу, географию и историю России. Закон Божий преподается священниками о. Анатолием Древингом и о. Сергием Матвеевым. С успехом занимаются группы народного пения и танцев.

■ В текущем году в св.-Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке учатся 90 студентов.

■ В св.-Тихоновской семинарии в Филадельфии (США) в текущем году учатся 32 студента. Педагогический совет возглавляется епископом Киприаном.

■ В Победоносцев, лектор русского языка и литературы в университете Монаш (Австралия), организовал студенческий русский хор.

■ В Штутгарте (ФРГ) в конце сентября был проведен съезд руководителей Русского Христианского Союза молодых людей в Германии.

■ В Биевре под Парижем состоялся съезд молодежи Русского Студенческого Христианского Движения. На съезде читались доклады на русском и французском языках. Основной доклад на русском языке сделал отец Илья Мелия на тему «Духовная жизнь и повседневная жизнь».

■ В русском Иосафовском училище в Бруклине (США), существующем уже 18 лет, программа занятий соответствует курсу русских гимназий.

■ В Бельгии имеются три русские школы — в Брюсселе, Льеже и Монсе.

■ В Мельбурне (Австралия) уже три года существует русская футбольная команда «Дон». В этом году клуб выставил две старшие команды и молодежную из подростков от 12 до 15 лет. Клубом руководят: М. Виноградов, А. Елизаров, В. Губченко, П. Баров и В. Виноградов.

■ В Париже на кладбище в Сент-Женевьеве были освящены памятные доски ген. Деникину, ген. Врангелю, адмиралу Колчаку и казачьим атаманам.

■ Храм препод. Сергия Радонежского в Париже отпраздновал в этом году свой престольный праздник особенно торжественно. Была устроена трапеза на 80 человек. Литургия и молсбен с крестным ходом были совершены Владыкой архиепископом Георгием в сослужении семи священников. В своем приветственном слове настоятель храма отец Алексей Князев упомянул и о главном затруднении: необходим ремонт храма, который может быть сделан, только с помощью русских людей.

■ Русский православный приход Всех Святых в Денвере, Колорадо (США), приобрел протестантский храм, который будет перестроен. При храме будет оборудован зал для собраний и отстроена квартира для священника.

■ Петропавловской приход в Сиракузах (США), отпраздновал свой пятидесятилетний юбилей. Приходу принадлежит св.-Андреевская школа с концертным залом и библиотекой, зал для собраний и Андреевский детский лагерь на озере Онейда.

■ Стараниями отца Леонида Игнатова во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) подходит к концу постройка нового православного храма св. Николая. Здание со звонницей выдержано в древнем Псковском стиле. Пожертвования просят направлять по адресу: Dresdener Bank, Konto 142225, Frankfurt/Main, Baukomitee

■ Организация «Христианский Союз Молодых Людей (УМСА) в Германии имеет несколько русских групп в Баварии. В Союзе уделяется особое внимание сохранению национальных традиций и народного искусства. На большом интернациональном празднике христианской молодежи в городе Ландсхуте, русская молодежь выступила с пением русских и украинских песен и с народными танцами. Группы участников из Мюнхена, Розенгейма, Ингольштадта, Штутгарта и Ландсхута имели большой успех.

■ Во Франции, на берегу Бискайского залива, проведен детский лагерь «Орел», в котором в нынешнем году перебивало около 400 детей. Лагерь прекрасно оборудован. Несколько лет тому назад работа была начата с маленького лагеря на 30 детей. Теперь лагерь «Орел» стал самым большим русским лагерем во Франции.

■ Обитель святого Иоана Златоуста на Афонской горе в Греции обращается к православным русским людям с просьбой о помощи. Пожертвования просят направлять по адресу: Ieromonach Serafim — Rossos Kellion Ste Ioann Chrisostome, Mont Athos — Carea, Grece

■ В Принстоне (США), скончался русский композитор Артур Сергеевич Лурье. А. С. много писал на слова Пушкина, Лермонтова и Блока, и его опера «Пир во время чумы» представляет большой музыкальный интерес. Совсем недавно он закончил композицию «Арап Петра Великого» и готовил ее к постановке в США.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника.

Почтовый адрес:
SARUBESCHIE
8 München 27
Postfach 16

Банковский счет № 30 / 90 246
Neuvians, Reuschel & Co.
8 München 27, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „ISKRA“, München 13, Heßstr. 50-52.